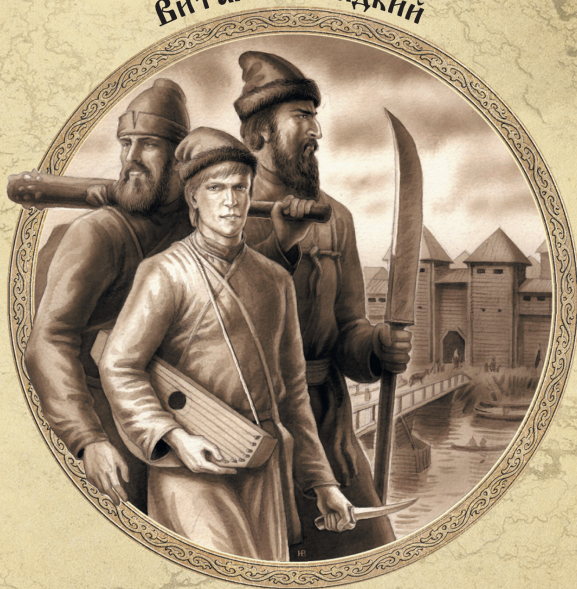

У истоков Руси

Виталий Гладкий

Под маской
скомороха

Виталий Дмитриевич Гладкий

Под маской скомороха

Серия «У истоков Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36085023

Под маской скомороха / Гладкий В.Д.: Вече; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7224-4

Аннотация

Нежданно-негаданно пришлось сыну новгородского дворянина Истоме Яковлеву податься в бега, дабы спастись от гнева всеильной боярыни Марфы Борецкой, которая погубила всю его семью: родителей, двух меньших братьев и кроху-сестру. Судьба свела беглеца с артелью скоморохов, да не простых. Они оказались лазутчиками великого князя Московского Ивана III Васильевича, у которого с новгородским боярством были нелады. Юный Истома поклялся отмстить за убийство своей семьи боярыне Марфе Борецкой (которую за ее большую власть над Великим Новгородом прозвали Посадницей) и поэтому взялся под маской скомороха выведывать ее планы.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	62
Глава 5	80
Глава 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Виталий Гладкий

Под маской скомороха

Часть I

ГОНИМЫЙ

*Кто может противиться Богу
и Великому Новгороду?
Старинная новгородская поговорка*

Глава 1

ИСТОМА

Праздник святого Наума, покровителя наук и грамоты, для Истома Яковлева не задался с самого утра. Мороз крепчал, мела колючая поземка, коварный ветер, со свистом крутивший вихри по улицам Колмогор¹, так и норовил засыпать за шиворот пригоршню-другую снежного крошева, и Истома с тоской думал, что на этом его неприятности в новом учебном году только начинаются.

¹ Колмогоры, Колмогорский городок – так в старину называли селение Холмогоры.

Первого декабря, в день Наума-грамотника, как это принято на Руси, начинался учебный год, длившийся до Пасхи, и колмогорскую детвору отдавали в обучение. Истома набирался уму-разуму у приходского дьякона Есифа, у которого учились в основном дети бояр и купцов. Едва начало светать, все семейство боярина Семена Яковлева – жена Любава, сыновья Истома (самый старший), Григорий и Найден, а также кроха дочь Млада – отправилось в церковь, где свершили молебен, испросив благословения на учебу Истома и Грихши (Григория). После, уже дома, Семен Остафьевич приветил Есифа, угостил его, как должно, и представил дьякону Грихшу – летом ему исполнилось семь лет. В школу он шел впервые, в отличие от Истома, которого отдали в обучение в 1461 году и которому предстояло постигать науку четвертый год.

Григорий отвесил дьякону три земных поклона, и в ответ получил столько же легких ударов плеткой по заднему месту – чтобы был послушным в обучении и почтительным к учителю. Истома лишь коварно ухмыльнулся; зная непоседливый характер братца, который на ходу подметки рвал, он был уверен, что тому придется немало откусать «березовой каши» – Есиф был скор на расправу, а розги для большей доходчивости своих наставлений распаривал в горячей воде, после чего они становились хлесткими, били больно и не ломались.

Собственно говоря, и сам Истома Яковлев не был подар-

ком для дьякона. Сидя за столом, Есиф время от времени с подозрением поглядывал в его сторону, но Истома, который скромно стоял в сторонке вместе с младшим братом, – как-никак, смотрины – весьма искусно изображал величайшее смирение вперемешку с почтением, во что учитель совершенно не верил. Уж он-то знал, что боярский отпрыск чрезвычайно шаловлив, увертлив и быстр, как куница, и обладает несомненным талантом лицедея, за что был порот много раз, да все бестолку.

Вскоре дьякон ушел, – ему предстояло познакомиться еще с двумя учениками-первогодками – а мать, вручив Истоме красиво вышитое полотенце и каравай из белой муки тонкого помола, чтобы Грихша мог одарить этим подношением учителя после первого урока (таков был старинный обычай), отправила сыновей в школу. Она находилась при церкви и внутри была в точности, как просторная крестьянская изба, только окна забраны не вычиненными бычьими пузырями, а прозрачной слюдой.

Вдоль стен учебного помещения стояли лавки, застеленные домоткаными ковриками, в центре находился большой, чисто выскобленный деревянный стол, за которым сидели ученики и их строгий учитель, дьякон Есиф, угол у входа занимала широкая русская печь, а рядом с ней, подвешенный на цепи к потолку, висел «баран» – медный ручной мойник с двумя ушками и рыльцами накрест, под которым стояла бадейка.

Красный угол занимал иконостас, перед которым теплилась лампадка зеленого стекла, а под ним стоял небольшой столик на резных ножках, представлявший собой алтарь. На нем блистал ярко начищенными бронзовыми боками сосуд с богоявленской водой, стояли подсвечник с громничными свечами, оставшимися после Сретения Господнего, и глиняный расписной кувшинчик с веточками освященной вербы, а на блюдечке лежали костяные пасхальные яйца, искусно вырезанные колмогорскими мастерами из рогов Индрика-зверя². После каждого половодья эти огромные рога находили во множестве по берегам рек.

Но самое видное место в избе занимали розги. Хотя бы потому, что дети обращали на них гораздо больше внимания, нежели на божницу. Связки розог висели на стене справа от иконостаса и вызывали священный трепет у нерадивых учеников, успевших в полной мере ощутить на своей спине и седалище их животворящее действие, изрядно способствующее успешной учебе.

Учеников было немного – около двух десятков, в основном дети бояр, купцов и священнослужителей. Учились совместно: первогодки одолевали азбуку, писали на cere³ и на

² Индрик – так в Древней Руси именовали мамонта; рога индрика – бивни.

³ Цера – дощечка с выдолбленным углублением, куда заливался темный воск. На cere писали, нанося знаки на воск острой металлической, деревянной либо костяной палочкой – писалом. Надписи можно было заглаживать и пользоваться дощечкой дальше. На Руси cere употреблялись большей частью в школах, а для повседневных деловых, бытовых и других записей активно применялась береста.

бересте, а те, кто постарше, учились счету и зубрили «Псалтырь», чего Истома терпеть не мог. Он обладал великолепной памятью, но его больше прельщали точные науки, которые в школе дьякона Есифа преподавались в очень усеченном виде – только примитивный счет. Яковлевы владели вотчинами на Корельском берегу, а всякое дело требует не только надзора, но и умения соразмерять прибыли с убытками. Из-за этой надобности арифметике Истому обучила мать, еще до школы. К сожалению, в последние годы дела Семена Яковлева пошли худо, семья влезла в долги, но отец Истомы не унывал и надеялся на лучшее.

Несмотря на мороз и ветер, ученики не торопились заходить в душную, хорошо натопленную избу, – бегали наперегонки, бросали снежки, боролись и вообще дурачились и выделывали разные штуки – кто во что горазд, как это всегда бывает у школьников после продолжительных каникул. Учебный день продолжался долго, занятия начинались с семи утра и продолжались до самого вечера. Это только в праздник пророка Наума им вышло послабление, за что старшие школьники должны были благодарить первогодок – Есиф обязан был посетить их отцов и откусать, что Бог послал, в том числе и крепкий ставленный мед.

В полдень школьников – тех, кто жил вблизи – отпускали домой перекусить, а чтобы обучение шло успешнее, их родители старались по мере возможности щедро одаривать дьякона. Они регулярно снабжали школу крупой, салом, му-

кой, привозили солому и дрова для печи, а каждый четверг приносили какую-нибудь живность и готовую еду – лепешки, яйца, куличи. Особенно любили школьники кашу, сдобренную маслом.

Ближе к весне, когда солнце начинало пригревать и появлялись первые травы, жена Есифа делала ботвинью на квасе из щавеля или окрошку на квасе, или щи из щавеля. Жена дьякона обычно приправляла еду луком и чесноком в большом количестве – чтобы дети не болели. К праздникам она пекла блины или оладьи с сыром, которые считались лакомством. Супруга Есифа относилась к школьникам как к своим детям и готовила очень вкусно.

Но вот хромой Фалей, школьный прислужник, ударил в небольшой колокол, который висел на крыльце, и дети гурьбой ввалились в избу. Первогодки, едва сняв верхнюю одежду, сразу же расселись по лавкам, но их старшие товарищи быстро навели должный порядок. Дьякон разрешал садиться только после того, как ученики поклонятся три раза перед иконой и один раз ему – в ноги. Но вот появился и сам Есиф, должный ритуал был соблюден, и дьякон – он был изрядно навеселе после смотрин – разразился, как обычно, нравоучительной речью, которую Истома уже знал наизусть:

– Чада мои неразумные, соберите разум сердца своего и внимайте словам моим. Прострите сердечный сосуд свой да накоплются туда словеса книжные. Не должно книгу читать скоро, а трижды воротиться следует. Не следует только уста-

ми книгу говорить, но сокрыть в сердце истину книжную. Осуждайте ненаучающихся, какие только ногами дрыгают да словеса глаголют...

«У-у!..» – мысленно простонал Истома, – дьякон мог вещать битый час, переливая с пустого в порожнее, – и глянул на своего друга Онфима, купеческого сына, сидевшего рядом. Тому тоже было скучно, и он, ерзая на скамье, будто она была нестерпимо горячей, мучительно соображал, как бы ему развлечься.

– Голова без ума, что фонарь без свечи, – мусолил дьякон прописные истины, которые Истома слышал много раз. – Кто грамоте горазд, тому не пропасть. Запомните – корень ученья горек, да плод его сладок. Онфим, не вертись, иначе отведает розог! Так о чем это я?.. Ах, да – не учась, и лаптя не сплетишь, ибо...

Истома медленно обвел глазами знакомые до мелочей стены избы, зацепился за розги и торопливо перевел взгляд на пол, чтобы избавиться от неприятных воспоминаний. Тут его и осенило. Пол в школьной избе – или «училище», как почтительно величали заведение дьякона родители школяров, – был деревянным. Но для большей сохранности хорошо остроганных досок, покрытых воском (Есиф ценил красоту; а что может быть приятней глазу, чем вощенное дерево с его неповторимым рисунком?), служба Фалей застилал его соломой, так как все ученики происходили из зажиточных семей и носили сапоги с подковками, которые царапали пол.

Именно солома и понадобилась ИстOME, чтобы устроить себе и Онфиму приятное времяпровождение на то время, пока дьякон разливался соловьем; его речь в первый день учебного года могла длиться битый час. Есиф вообще редко сиживал за столом вместе с учениками, больше ходил по избе, заложив руки за спину, и монотонно бубнил урок. Сегодня он стоял в торжественной позе у импровизированного алтаря-столика, и его наставления были в большей степени предназначены первогодкам, нежели остальным лоботрясам; на мальцов он и смотрел – требовательно и строго, дабы пробудить в их неокрепших душах трепет перед своей важной персоной.

ИстОма быстро набрал нужное количество соломинок, обрезал их ровно, в один размер, благо небольшой нож в кожаных ножнах у него всегда был спрятан под платьем, и смастерил из соломинки крючок. Онфим с огромным интересом наблюдал за его манипуляциями. У него загорелись азартом глаза – он уже понял замысел друга и предвкушал захватывающую игру, которая называлась «бирюльки». Она была простой, но чрезвычайно интересной; в нее играли даже взрослые, когда нужно было убить время.

В качестве «бирюлек» использовались соломинки. Один из игроков бросал их на стол беспорядочной кучкой, и играющие поочередно старались вытащить из нее отдельные соломинки, стараясь не потревожить соседние. «Бирюльки» вытаскивали только соломенным крючком, что было доволь-

но сложно и требовало большой сноровки. Если играющий смещал другую соломинку, он передавал крючок сопернику. Выигрывал тот, кто собрал больше «бирюлек», либо первым набрал заранее оговоренное количество соломинок.

Согласие на игру было достигнуто беззвучно, при помощи взглядов.

– На што играем? – тихо поинтересовался Онфим.

Он говорил, не шевеля губами, – словно просто выдохнул воздух. Дьякон был подслеповат, но слух имел превосходный.

– А на што хошь! – ответил Истома.

Онфим какое-то время раздумывал, а затем его маленькие круглые глазки хитро блеснули, и он сказал:

– На пуговики!

Это был сильный ход. Не зря отец Онфима считался среди купцов Колмогорского городка большим хитрецом и выжигой; купеческий сын оказался достойным родителя. Истома покривился, будто съел что-то очень кислое, но согласно кивнул. От забавы он уже не мог отказаться, – сам предложил, – но главная проблема заключалась в том, что Онфим считался среди учеников большим мастером игры в «бирюльки» и часто выигрывал у Истома. А юный Яковлев только вчера примерил новый бархатный кафтанец⁴ с рядом бронзовых пуговиц, начищенных слугой до блеска. Если смотреться в зеркало, то они казались золотыми. У Он-

⁴ Кафтанец – суженный и укороченный кафтан.

фима же и кафтанчик был поплоче – суконный – и пуговицы обтянуты кожей, правда, тисненой, с медным ободком.

Истоме очень не хотелось возвращаться домой без пуговиц, ведь в случае проигрыша ему придется их срезать и отдать Онфиму. А затем врать матери, что они были слабо пришиты, поэтому потерялись. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Он решительно высыпал на стол горсть соломинок и отдал Онфиму крючок. Игра началась.

Вскоре окружающий мир для двух сорванцов прекратил существование. Есиф не видел, чем они занимались, потому что мальчики прикрывали соломинки от его взора своими спинами. Но их сгубило любопытство других школяров, которые не только перестали слушать речь учителя, но и активно заинтересовались перипетиями игры (притом с комментариями), благо она проходила у них на глазах.

Для Есифа, увлекшегося своим краснобайством, как глухарь весенним токованием, шепот и ерзание учеников во время его чрезвычайно ценных наставлений были сродни тяжкому оскорблению. Он потихоньку, на цыпочках, приблизился к Истоме и Онфиму, заглянул через их головы... и спустя несколько мгновений свежие розги, которые предусмотрительный Фалей распарил в кипятке еще с вечера, начали выбивать пыль из суконной одежды купеческого сына и бархатного кафтанца боярского отпрыска.

Насладившись мстью, дьякон властным жестом указал мальчикам на угол, где был насыпан горох, и громоподобным

голосом, прозвучавшим, как иерихонская труба, пробасил:

– На колени, негодники!

Наверное, таким тоном оглашали смертный приговор римские кесари, отправляя первых христиан на арену для боев гладиаторов, куда выпускали голодных львов.

Стоять на горохе было сущим мучением. Но Истому угнетало другое – он уже почти победил Онфима, и если бы не дьякон... Эх! Нет, день точно не задался. Зря он сегодня надел кафтанец не так, как должно, ох, зря. Не подумал. Примета верная: ежели кто-то напялит одежду с левой руки, то быть тому человеку битым...

Наконец-то! Свершилось! ИстOME хотелось прыгать до небес от огромной радости, которая буквально выплескивалась из его душевного вместилища, как забродившая березовая бражка выливается через край бадьи. Наступила Пасха, и его мучения в школе дьякона Есифа закончились. Теперь он был свободен, как ветер: считал он вполне сносно благодаря стараниям матушки, писать с горем пополам научился, кое-как одолел «Псалтырь», а что еще нужно боярскому сыну? Впрочем, о своей дальнейшей судьбе Истома не задумывался. Все его мысли заняли пасхальные торжества, потому что в этот светлый день можно было веселиться и дурачиться, как того душа пожелает. А розги дьякона и горох, от которого на коленках за годы учения появились мозоли, стоило навсегда выбросить из головы, как дурной сон.

Всю Страстную седмицу мать вместе с прислугой приводила в нарядный вид жилище семьи. Под ее строгим надзором белили печь, тщательно мыли лавки и полы, скоблили столы, доставали из сундуков и проветривали скатерти и праздничную одежду, начищали оловянную и серебряную посуду, а главное – красили в котле сваренные вкрутую яйца в разные цвета.

Но Истому больше интересовали события вокруг церкви. Он проторчал там вместе с Онфимом до самого утра. Пасха была одним из немногих праздников, когда детям разрешалось гулять в темное время суток. Пасхальная ночь всегда была особенно торжественной и красивой: зажженные фонари и костры освещали церковь и колокольню, колмогорцы козыряли перед всем честным народом дорогими праздничными нарядами и христосовались друг с другом, дети затевали разные игры.

С первым ударом колокола в Великую субботу народ повалил в церковь слушать утреню. Яковлевы тоже пошли всей семьей в храм, чтобы освятить пасхальные куличи, крашанки, вяленую рыбу и копченое мясо. Все эту праздничную снедь мать сложила на большое расписное блюдо, перевязала его красиво расшитым пасхальным полотенцем и украсила первыми весенними цветами. Пасхальную еду, принесенную для освящения, расставили у иконостаса и вдоль церковных стен. Ровно в двенадцать часов, после утрени, в ограде стали палить из малых пищалей, все присутствующие в церк-

ви осенили себя крестным знамением, и под звон колоколов раздалось мощное: «Христос Воскресе!» После окончания литургии началось освящение куличей и пасх.

Освятив куличи, Яковлевы не стали идти на кладбище, чтобы навестить своих усопших – могилы их родителей находились в Великом Новгороде. Да и сами они были новгородцами, но перебрались в Заволочье⁵, прикупив там в свое время Корельский наволок, земли, пожни и рыбные ловища. Яковлевы вернулись домой, разговелись в тесном кругу семьи, а вечером мать и отец ушли в церковь, чтобы послушать чтение «страстей Христовых».

После того как все молебны были отслужены, начались пасхальные гуляния. К Яковлевым пришли кумовья, а также добрый десяток друзей, и пошел пир горой. Но этот момент Истому и Грихшу интересовал меньше всего. Получив гостинцы, они поторопились на колокольню, куда пускали звонить всех желающих, без разбору. Колокольный звон не стихал до вечера, чему местный звонарь был очень рад, потому как все приносили ему пасхальную еду и выпивку – чтобы не путался под ногами. В течение всей Светлой седмицы над Колмогорами звучал такой густой трезвон, что батюшка, у которого голова шла кругом от пасхальных забот, то и де-

⁵ Заволочье – историческая область в X–XV вв. в бассейне Северной Двины и Онеги, за «волоками», связывавшими Онежское озеро с озером Белым и рекой Шексна. Заволочье в древности изобиловало пушным зверем и соляными угодьями. Население преимущественно занималось земледелием, пушным и рыбным промыслами. Заволочье было частью Новгородской земли.

ло посылал дьякона унять развеселившихся православных и прогнать их с колокольни. Однако все потуги Есифа как-то поправить дело было безнадежными – обычай есть обычай, и поморы придерживались его истово.

Назвонившись всласть, Истома первым делом нашел Онфима. Ему хотелось отомстить другу за «бирюльки», в которых тот часто брал верх. В кармане Истома лежали три расписных яйца, над которыми он трудился неделю. О, это был тяжелый труд! Сначала Истома разыскал на торге бабку, которую прозвали Чернавка. Она уже была в годах, но, казалось, старость ее не брала. В густых черных волосах бабки не было даже намека на седину. Жила Чернавка на отшибе, одиноко, занималась знахарством, и в народе шла молва, будто она ведьма и знает с нечистым. Что совсем не мешало колмогорцам пользоваться ее услугами – лечила бабка весьма успешно, особенно детей.

А еще у нее были какие-то особенные куры. Они несли яйца с очень толстой скорлупой. Истома быстро смекнул, что в этом его шанс. Он купил у бабки два десятка яиц, самолично, с большими предосторожностями, сварил их в соленой воде – чтобы скорлупа не пошла трещинами, а затем начались испытания. Он стучал яйцом по яйцу, пока не разбитыми остались только три штуки – самые прочные. Истома любовно расписал их, благо с молодых ногтей имел пристрастие к художеству (хотя и не достиг в нем высот) и любил вытачивать фигурки из кости, чему его обучил отец, и теперь

был готов нанести своему сопернику поражение, чтобы расквитаться за свои прошлые неудачи.

У него получилось так, как он и задумал; лучше некуда. Онфим был повержен и посрамлен. Десяток яиц, приготовленный купеческим сыном для пасхальной баталии (она называлась «чье яйцо крепче»), перекочевал в холщовую сумку Истома, который после победы над Онфимом продолжил сражение с другими детьми, в основном с бывшими школярами, своими одноклассниками. В конечном итоге он опустошил все их запасы и с гордым видом и полной сумкой «трофеев» направился в ту сторону, где шла очень интересная игра – катание яиц.

Это была любимая забава колмогорской детворы. Яйца катали с бугорка. Если скатившееся вниз яйцо ударилось о какое-нибудь из яиц, разложенных под бугорком, игрок брал этот приз себе. Истома и здесь преуспел – глазомер у него был превосходный.

Наигравшись вдоволь, он милостиво позвал своих соперников во главе с Онфимом на импровизированный пир. Дети живо расселись в кружок, достали свои припасы, а Истома высыпал из сумки все выигранные яйца. Что может быть вкуснее пасхального кулича с яичком, да еще после трудов праведных!

Насытившись, детский гурт помчался на качели. Пасхи без качелей не бывает. Колмогорцы едва не в каждом дворе устраивали их для своих детей, а были еще и общественные

качели, где веселье бурлило, как река в половодье. Неподалеку от недавно сооруженной деревянной крепости загодя вкопали столбы, навесили веревки, прикрепили доски, и народу столько привалило, что казалось, будто начался крестный ход. На качели шли и млад, и стар (по понятию Истома, для которого неженатые парни и девицы на выданье казались слишком взрослыми).

Сквозь толпу этих «стариков и старушек» пробраться на качели было проблемой, но только не для Истома. И впрямь юркий, как куница, он прошмыгнул буквально между ног старших и запрыгнул на качели вне очереди, да еще и Онфима прихватил с собой, благо места на доске хватало. Но его никто даже не пожурил – дети пользовались преимущественным правом покататься на качелях. Только не все обладали таким пробивным характером, как Истома Яковлев, поэтому смиренно ждали свой черед.

Домой Истома пришел сильно уставшим и сразу же отправился на боковую, хотя пир продолжался. В доме было шумно, однако Истома уснул, едва голова уютно устроилась на подушке, прикрывавшей подголовок⁶. Но сон его почему-то не был крепким. Видимо, азартные игры и качели подействовали на него чересчур возбуждающе. Ближе к полуночи, когда гости уже разошлись, он проснулся и спустился

⁶ Подголовок – небольшой низенький сундучок, ларец или подставка, помещаемые в изголовье, под подушку. У многих бояр и купцов подголовки были оклеены железом, имели внутренний замок и выдвижные ящички, в которых хранились деньги и драгоценности.

на поварню, чтобы испить квасу, и услышал возбужденные мужские голоса.

Разговаривали отец и его брат Нефед Яковлев. В Заволочье дела они вели сообща.

– ... Не сдюжим, нет, не сдюжим, – с горечью сказал Нефед. – А ежели влезем в долги еще больше, то потом точно по миру пойдем.

– Да. Ты прав... – ответил отец Истома.

Его голос был печален и тих.

– Но выход-то должен какой-то быть! – продолжил он после некоторой паузы.

– Конечно, есть, – отвечал Нефед. – Все продать и рассчитаться с долгами. К этому давно все шло. Боярин Филипп Григорьев, хитрый, как змей подколодный, ссудил нас средствами, а теперь требует возврата. До срока! И ничего не поделаешь – в договоре указано «по первому требованию». Нам тогда ничего другого не оставалось, как поверить ему на слово, што он подождет до конца этого года. Но мы-то думали, што обойдется, к тому времени успеем деньги собрать. Ан нет, теперь точно не получится. Весенняя путина только начинается. А в прошлом году два наших карбаса не вернулись из ловов! Прямо как кто-то наколдовал.

– Может, упасть ему в ноги, попросить...

– О чем ты говоришь?! Филиппом руководит его жонка, Марфа Семеновна, из бояр Лошинских. Мне давно доносили верные людишки, што она накинута глазом на наши уго-

дья. А ежели Марфе попадешь на зубок, то, считай, пропало. Это она, похоже, и подговорила Филиппа дать нам займы. Он ходит у нее под пятой. Я так думаю, што и два наших сгинувших карбаса могут быть на ее совести. С чего бы им взять да утонуть? Рыбаки там были опытные, кормчие даже на Грумант⁷ ходили и воротились, а тут сети бросали почти у самого берега. Бают люди, што Филипп с мурманами⁸ кумпанство затеял, вот они и могли ему подсобить. Мурманы народ коварный, им што-нибудь уворовать, как мне высморкаться.

– Не возводи напраслину! – строго сказал отец Истомы. – Нужно точно разузнать, што там случилось и как было дело.

– Как же, узнаешь... Море умеет хранить тайны. Однако я попробую. Если это разбойничали мурманы, то карбасы они забрали себе. А они у нас меченые, и метки те вряд ли кто, кроме нас, найдет. Но ежели это правда... – В голосе Нефеда явственно прозвучала угроза.

– Узнаешь не узнаешь – сие дело будущего. А сейчас-то што делать?

– Продать Корельский наволоок⁹ и земли боярину Филиппу! Я уже говорил с ним. Он прощает нам долг и вдобавок

⁷ Грумант – поморское название Шпицбергена.

⁸ Мурманы – норманны; русское название скандинавов – норвежцев, шведов и датчан.

⁹ Наволок – заливные луга, низменный берег реки.

дает две тысячи белок¹⁰.

– Штоб кто-то другой не перекупил, – мрачно молвил отец Истомы.

– А хоть бы и так! Пусть его. Иначе ничего не получим, а земли отберут силой. Но кое-што мы и себе оставим...

– Ты о чем?

– О Неноксе!¹¹ Там есть огромные залежи соли! Так определил мой рудознатец Плишка. Поставим солеварню, благо капитал для начала у нас будет, и возвернем все свои убытки, да ишшо и с прибылью. И наконец, мои люди нашли на реке Кереть место, где можно добывать хрусталь для окон, который заморские гости называют мусковит!¹² А ты знашь, сколько он стоит?

– Как не знать – от пятнадцати до ста пятидесяти рублей¹³ за пуд. В зависимости от качества.

– Вот! И пока никому не известно про нашу находку. В том числе и боярину Филиппу. Поэтому он легко откажется

¹⁰ Белка, векша, веверица – самая мелкая денежная единица Древней Руси. Равнялась 1/6 куны. Серебряная белка весила около 1/3 г. В реальном денежном обращении 2 векши равнялись западноевропейскому денарию.

¹¹ Ненокса – село; находится на востоке Онежского полуострова, в 40 км от Северодвинска, на Летнем берегу Белого моря, неподалеку от реки с одноименным названием.

¹² Мусковит – под таким названием в Западной Европе и Азии была известна русская слюда. Поначалу на Руси ее называли хрусталем.

¹³ Рубль – так с конца XIII в. именовали новгородскую гривну – слиток серебра в виде палочки длиной 14–20 см с одной или несколькими вмятинами на «спинке» и весом примерно 200 г.

от Неноксы и от Керет, где мы построим рудник мусковита. Места там, прямо скажу, гиблые, никакого толку от них.

– На людской роток не накинешь платок, – сухо, без должного воодушевления, ответил отец Истома. – Скоро и про соль, и про мусковит будут трепать языками на каждом углу. А слухи быстро расходятся – как круги по воде от брошенного камня. Поторгуйся потом с Филиппом...

Нефед хрипло хохотнул.

– Эк ты, брат, загнул... Может, я и дурачина, но не настолько, как ты мыслишь. Все мои рудознатцы во главе с Плишкой торчат под охраной на дальней заимке. Я обеспечил их провиантом и медовухой до самой зимы. Пока лед на реках не станет, оттуда выбраться невозможно. Пусть отдыхают, их семьям заплачено сполна. А к тому времени мы составим договор с Филиппом, в котором не упомянем нужные нам земли, и получим свои денежки.

– Што ж, тогда хорошо...

Истома не стал больше подслушивать; заботы старших ему были малоинтересны. Он быстро набрал ковшик квасу и шмыгнул опять в детскую спальню, где рядышком мирно посапывали носами братья и сестра.

Знать бы ему тогда, каким страшным будет спустя два года продолжение ночного разговора отца и дяди Нефедя...

Глава 2

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Русь славится многим: и своим таинственным величием, и огромными пространствами, и несметным богатством, и славными витязями, но в особенности отсутствием дорог. Из-за бездорожья никакая вражья сила не в состоянии ее одолеть – попробуй дойти сначала до русских городов и селений, а затем рискни выдержать лютую брань с людьми, на знаменах которых начертан невидимый глазу огненный девиз: «Мертвые сраму не имут». Эти слова живут в сердце каждого воина – от юного неопытного гридя¹⁴ до убеленного сединами грозного князя, который много раз водил свою победоносную дружину против врагов.

Редкими были на этих огромных пространствах деревни и селища, еще меньше было посадов и городов, поэтому вполне понятное бездорожье было не только защитой земель русских, но и трудно преодолимой стихией даже для самих жителей Руси. Проложить сотни и тысячи верст мощных дорог и при наличии камня и щебня дело нешуточное, а такого материала на Руси как раз и не было под руками в достаточном

¹⁴ Гриди – в Древней Руси княжеские дружинники, телохранители князя. Жили в дворцовых помещениях – гридницах. В Новгородской республике – постоянное войско, непосредственно подчинявшееся посаднику и располагавшееся в новгородских пригородах в качестве «засады» (гарнизона).

количестве, дабы отсыпать «постель» дороги, да еще таким образом, чтобы гранитный булыжник не утонул в раскисшей глине. Поэтому дороги на Руси сильно отличались друг от друга. Изредка случались даже мощеные каменки, – в основном в больших городах – бывали более-менее благоустроенные почтовые тракты, но больше всего было извилистых, накатанных крестьянскими телегами проселков, а также заросших травой-муравой полевых дорог.

На Руси были выработаны оригинальные способы мощения дорог – гати, лежневки и торцовые мостовые. Сырые участки гатились связками прутьев и жердями, а на совсем уж непроезжих болотах укладывали в два ряда толстые бревна, на них клали поперечные бревна, составлявшие полотно дороги, а сверху вновь укладывались два ряда бревен по краям, скрепляя лежневку. На таких, с позволения сказать, «дорогах», вылетали спицы тележных колес, расходились обода и ломались оси, а уж душа ездока вообще едва держалась в теле.

В городах центральные улицы чаще всего мостились деревянными торцами – чурбаками, обрезками бревен, иногда обтесывая их на шесть граней, а чаще оставляя в кругляке. На песчаную постель (хорошо, если поблизости находился песок) плотно, один к другому, ставились просмоленные торцы, заливались сверху смолой и посыпались песком. В первый год такая мостовая была довольно гладкой, хотя на ней и слегка погромыхивали тележные колеса, но потом од-

ни торцы проседали, другие перекашивались, третьи начинали подгнивать и выбивались железными колесами, поэтому, съезжая с «благоустроенной» улицы в переулок, где не было уже торцов, седок вздыхал с огромным облегчением. А спустя два-три года снова надо было мостить эту улицу.

Дороги на Руси – это скорее направления, нежели широкий удобный путь, по которому можно пройти-проехать в полное свое удовольствие, любуясь окрестными пейзажами. Уж что-что, а русская природа – диво дивное, красота необыкновенная, – на это щедра без меры. Ее потрясающее великолепие в какой-то мере сглаживает дурное впечатление от грязного месива на дороге в дождливое или весенне-осеннее время, от снежных буранов зимой, когда битый шлах вмиг замечает, и попробуй отыскать его в белом мареве (а ежели не отыщешь, то остается лишь молить Господа и всех святых о чудесном спасении), и настраивает на философический лад в летнюю сушь, когда крестьянские телеги и купеческие обозы поднимают над трактом клубы въедливой пыли, которая проникает во все мыслимые и немыслимые места.

Колдобины и рытвины, через которые не перепрыгнуть, и прочие дорожные неудобства кажутся совершенно ничтожными препятствиями на фоне занавесей из яркого ситца, которым украшают обочины дорог статные русские красавицы – белокорые березы, коих не сыщешь в чужих землях, как ни старайся. А вековые ели на пригорках напоминают шитые из

рытого зеленого бархата дорогие боярские охабни во время праздничного крестного хода – особенно в начале осени, когда леса покроются багрянцем и украсят благородную зелень еловых ветвей золотым узорочьем березовой листвы.

Именно по такой дороге в один из летних дней 1470 года от Рождества Христова неторопливо двигалась небольшая ватага. Народец выглядел странно. По одежке вроде не смерды¹⁵ и не холопы¹⁶, и уж тем более не черный люд¹⁷, но и на паломников не похожи, хотя та рванина, в которую они были одеты, предполагала длинный путь, ночевки, где придется, нередко под небесным шатром, у костра, и крайнюю степень нищеты. Двое из них – постарше – были слепцами; следующий персонаж был увечным – все лицо в шрамах, один глаз с бельмом, на левой руке не хватало двух пальцев (похоже, ему пришлось изрядно повоевать); остальные трое, несмотря на худую одежку, выглядели крепкими мужичками себе на уме, что отражалось на их хитрых физиономиях, которые имели особенность к мгновенной перемене выражений – от наглого ухарства до ханжеского смирения богобоязненного скитальца.

У первого из троих неувечных за плечами висели большие

¹⁵ Смерды – крестьяне, жившие на государственных землях и обрабатывавшие эти земли.

¹⁶ Холопы – низшее сословие, полные рабы, ставшие таковыми в результате невыплаты долга или совершения какого-либо проступка.

¹⁷ Черный люд – ремесленники, мелкие торговцы, рабочие.

гусли на сыромятном ремешке, второй нес в руках ослоп, – увесистую дубину, утыканную железными шипами, представлявшую собой грозное оружие (таким дубьем запросто можно было ссадить хорошо вооруженного всадника или разmozжить башку лесному хозяину – медведю), а третий, как на дорожный посох, опирался на совню¹⁸. Был он кряжистый, весь какой-то узловатый и, судя по всему, обладал недюжинной силушкой; собственно, как и его товарищ с дубиной.

Это были калики перехожие¹⁹. Они ходили по деревням, от одного дома к другому, рассказывали о вере, пели песни и былины и творили разные «чудеса». Одни калики были слепцами, нищими скитальцами, бродившими с места на место, которые жили милостыней, другие представлялись паломниками, идущими к святым местам, третьи были бродя-

¹⁸ Совня – древковое оружие с изогнутым однолезвийным наконечником, насаженным на длинное деревянное древко. Из-за саблевидной формы наконечника совня обладала не только колющими, но рубящими и режущими свойствами

¹⁹ Калики перехожие – старинное название странников. Это большей частью старики или просто люди в годах, нередко при полной силе и здравии. Одни из них давали обет идти в Святые Места и, прося «ради Христа», дорогой кормились подаяннем. Другие просто нищенствовали. Третьи скитались, будучи выброшенными из общества за какой-нибудь безнравственный поступок. Некоторые не имели права оставаться на месте более трех-четырёх дней; обычно это были выпущенные из тюрем за тяжкие проступки. Случались и просто лентяи, бродяги по призванию. Среди каликов перехожих, совершавших паломничество в Иерусалим, были и образованные бояре, и богатые купцы, и лица духовного звания, к тому же хорошо владеющие оружием, ибо паломников нередко убивали даже в самом Иерусалиме.

чими певцами и музыкантами, а некоторых в народе считали богатырями в смиренном убожестве и богоугодных делах.

Конечно же правда была где-то посередине. В основном они не имели никакой собственности, но никогда не голодали – на Руси калик переходящих принимали в домах с участием и их торбы с едой всегда были полны. Со временем некоторые калики все чаще стали бывать на одном месте – на папертях церквей, но от этого поток щедрых подаяний не иссякал. Существовали и «каличьи ватаги», которыми управлял атаман, избранный на общем кругу.

Именно такая ватага калик переходящих и шла по направлению к Великому Новгороду – городу вольному и славному. Ее возглавлял атаман Некрас Жила. Это он держал в руках совню. Его помощником был Ратша, отменно управлявшийся со своим тяжеленным ослопом, потомственный новгородец, человек бывалый, чтобы не сказать больше. Его прозвали Вороном за иссиня-черный цвет волос и очень смуглое лицо.

Уж неизвестно по какой причине, но Ратша-Ворон в свое время сбежал из Великого Новгорода и появлялся там очень неохотно, редко и только под машкарой²⁰, – загримированным – чтобы его никто не мог узнать. И в данный момент Ратша не горел чересчур большим желанием посетить родные места, да уж больно прошлый год выдался худым и неурожайным, народ в деревнях и селениях жил впроголодь.

²⁰ Машкара – маска, грим.

А где можно хорошо подкормиться и сделать запас на будущее, как не на знаменитом новгородском Торге? Гусяра же звали Спирка.

Увечный калика выступал под неблаговидным прозвищем Рожа, хотя на самом деле его звали Волчко. Он был еще тот жох, мастер на все руки. Несмотря на свой единственный глаз и левую руку-культияпку, он подмечал то, что для других было сокрыто, а уж какие штуки чародейные вытворял, куда там странствующим скоморохам. Да что там странствующим – княжеским! А уж они-то горазды на разные выдумки и чудеса.

Что касается слепцов, то одного из них – певца – звали Радята, а второго – сказителя – Шуйга. Люди они были вполне благообразные и приличные, ни в каких дурных делах не замешаны в отличие от Ратши, Спирки и Некраса Жилы, которые могли и к рукам прибрать то, что плохо лежит, и ослепом по башке оглушить какого-нибудь богатея с увесистой мошной, полной серебра, а то и злата.

Судя по уставшим, запыленным и настороженным лицам калик перехожих, топали они издалека, без отдыха и чего-то опасались. И на то имелись объяснения: места на этом отрезке шляха были глухие, разбойные, и хотя нищая братия пользовалась привилегией неприкосновенности даже среди лихих людишек, кто мог поручиться, что не найдутся совсем уж бессовестные злодеи, которые позарятся на небогатый скарб ватаги? Ведь всем известно, что калик перехожих

привечают даже бояре и богатые купцы, и щедро, не скупясь, одаривают.

В любой ватаге был неприкосновенный запас на черный день. Имелся он и у атамана Некраса Жилы. Обычно ватага избирала казначея, которому можно доверить кошель с деньгами, но Жила это правило поломал и хранил его в своей котомке. Только он мог распоряжаться всем нажитым и полученным в виде милостивого подаяния, из-за чего ватага не раз поднимала супротив своего атамана форменный бунт. Жила полностью оправдывал свое прозвище: был скуп до невозможности, прижимист и требовал отчет за каждую потраченную полушку²¹.

И в этом был свой резон – ватага у атамана подобралась буйная. Даже с виду тихие и безобидные слепцы могли по пьяному делу сотворить что-нибудь непотребное – к примеру, при большом скоплении народа спеть песенку, в которой бояре и степенные купцы выглядели не лучшим образом. Она вполне могла сойти за подметное письмо с вражескими происками, облеченное в поэтическую форму, за что полагалась суровая кара. Калики были способны за один присест спустить в корчме все, что копилось месяцами. Временами на них словно что-то находило, и они пускались во все тяжкие. Поэтому Жила был суров и непреклонен, берег каждую

²¹ Полушка – мелкая разменная русская монета, впервые отчеканенная из серебра в XV в. Равнялась 1/2 московской или 1/4 новгородской денги. С 1534 года полушка – самая мелкая монета Московского государства, равная 1/4 коп. (содержала 0,17 г серебра).

денгу²², и, как следствие, ватага никогда не голодала, хотя и не роскошествовала.

Что касается одежды, то в котомках калик перехожих хранилось и более-менее приличное, чистое платье. Без этого никак. Кто ж пустит грязных оборванцев в богатый дом? А калик приглашали не только зажиточные горожане, купцы или житьи люди²³, но и бояре. Ведь всем хочется послушать былинку о житие купца новгородского Садко или доброго молодца Василия Буслаева, и в который раз посмаковать их невероятные приключения, а также узнать, что в мире творится, ведь калики перехожие были кладезем новостей и разных слухов.

– Деревенька близко, – сказал Ратша-Ворон, с силой втянув в себя воздух. – Дымом запахло. И псы лают...

Было в нем что-то нерусское, хищное. Физиономия смуглая, черные узкие глаза с лихим прищуром смотрели насто-роженно, узкие губы время от времени кривил нервный тик, который тут же прятался в коротко подстриженной пегой бороде, а вся фигура Ратши, если посмотреть со стороны, и впрямь напоминала насто-роженного ворона, который заме-

²² Денга – серебряная русская монета XIV–XVIII вв., чеканка которой начата в Москве в конце XIV в., а с XV в. – и в других русских княжествах (в Новгороде с 1420 г.). С конца XVIII в. слово «денга» стали писать как «деньга». Сначала весила 0,93 г и равнялась 1/200 гривны серебра.

²³ Житьи люди – в Великом Новгороде следующий класс за боярами. Это были землевладельцы с меньшим капиталом, не занимавшие высших должностей; иногда они пускались в торговлю.

тил, чем можно поживиться, и уже готов сорваться со своего высокого насеста, древесной ветки, чтобы схватить добычу.

– Ох, отдохнем... – с облегчением завздыхал самый старший из калик, слепец Шуйга. – Слава те, Господи...

Он сильно устал и держался на ногах только с помощью более молодого Радяты. Они шли, будто приклеенные друг к другу, и казались зрячими благодаря дорожным посохам, которыми прощупывали путь. К тому же идущий впереди Спирка выбирал наиболее удобные для передвижения участки, – без рытвин – а следить за ним было довольно просто, тем более, слепцам с их отменным слухом, так как к поясу своеобразного поводыря был прикреплен серебряный колокольчик. Его мелодичный звон в темном и мрачном коридоре из елей, плотной стеной обступивших дорогу (уже вечерело, и солнце скрылось за дальними лесами), чудился нежной ангельской музыкой.

Отражаясь от стен елового коридора, она звучала со всех сторон, даже с небес, и очарованный ее тонким серебряным голоском гусяр Спирка уже мысленно сочинял новое музыкальное произведение, с которым он намеревался выступить в Великом Новгороде. Вот только кто будет играть на колокольцах? – озабоченной соображал гусяр. У слепцов своя свадьба, у него – своя, а что касается Ратши и Жилы, то им медведь на ухо наступил. Им бы только ослопом махать да совней пугать народ честной.

– Может, кто мёдом угостит... – мечтательно сказал Жи-

ла.

– Разевай рот пошире! – фыркнул Ратша. – Корчмы в деревне точно нетути, а народ нонче совсем обеднел, не до мёду. Хоть бы квасом угостили, во рту сушь египетская.

– Придется постараться, – рассудительно ответил Жила. – С харчами у нас негусто, так што с отдыхом придется чуток повременить.

– О-хо-хо... – жалобно завздыхал Шуйга, но никто даже ухом не повел на его стенания.

Деревенька и впрямь оказалась неказистой – всего-то около двух десятков дворов, правда огороженных плетнем. Но избы были рубленые и крытые щепой, а не соломой. Это говорило о том, что ее жители больше пробавляются охотой и иными заработками, нежели земледелием. Под нижние венцы строители подложили камни, чтобы в помещениях не было сырости, а пол в открытых сенцах перед входом застелили деревянными плахами. В каждом дворе находился амбар, поднятый вверх на столбах, – чтобы мыши не добрались до запасов зерна и прочих продуктов. Имелись во дворах и клетки, в которых хранилась одежда, звериные шкуры, запас оружия и вообще вся ненужная в данный момент времени рухлядь. Кроме того, клеть использовалась для того, чтобы муж с женой могли на время удалиться туда от остальных домоладцев.

Ратша и Жила многозначительно переглянулись, а записной бабник Спирка, который считал себя дюже смазливим,

плотоядно облизнулся, как кот на горшок со сметаной. Каликам ли не знать, что такие деревеньки большей частью пустуют, потому как мужики уходят в город на заработки. Те же, которые остаются, в основном пропадают в лесах, на охоте. Ну а бабы, знамо дело, остаются бесхозными.

– Ну-ка, врежь, – сказал Некрас Жила, обращаясь к гусям, когда они ступили на деревенскую улицу.

Похоже, народ в этой глуши не привечал вечерние посиделки, потому как нигде не было видно ни единой души. Уж не мор ли напал на деревеньку? – обеспокоился Жила. Иногда такое случалось. Какая-то неизвестная, не поддающаяся лечению болезнь, истинно Божье наказание за грехи, могла за месяц выкосить полгорода, не то, что какую-то деревушку.

– Это мы запросто... – ответил Спирка.

Он широко улыбнулся щербатым ртом, тряхнул русыми кудрями, взял свой музыкальный инструмент поудобней, и звонко заиграл-запел:

Вдоль по улице молодчик идет,
По широкой удаленький идет.
Как на молодце смур кафтан,
Опоясочка шелковая.
На нем шапочка бархатная,
А околышек черна соболя,
Сапожки сафьяновые,
Рукавички барановые,
За них денежки не даванные —

Со прилавочка украденные.
Под полою он гусли несет,
Под другою – дуду-загуду...²⁴

Заскрипели-захлопали двери, раздались удивленные и радостные возгласы, и за считанные минуты калики оказались окружены молодницами и детьми. Дорога, по которой шла ва-тага, не пользовалась большим успехом у путешественников и купцов, хотя по ней, как посоветовали каликам добрые люди, можно было гораздо быстрее добраться до Великого Новгорода, нежели по битому шляху, – из-за того, что в окрестных лесах пошаливали разбойники. Поэтому новости сюда приходили со значительным опозданием, и большей частью их привозили конные гриди, которые пытались изловить татей; правда, в основном неудачно. Но что возьмешь с уставших гридей, которых после облавы интересовал только мёд, сытный ужин и мягкая охапка сена под бока?

То ли дело калики перехожие. Эти и споют, и былинку расскажут, да так искусно, что дети ловили ее не только ушами, но и широко открытым ртом, – интересно ведь! – а также обстоятельно, толково поведают о житье-бытье городов и весей новгородских.

Закончив петь, Спирка весело сказал, обращаясь к молодницам:

– Эх, бабоньки, мне бы горло промочить, я бы вам и не то

²⁴ Здесь и далее тексты песен XIV–XV вв.

спел. Да и прислониться нам негде...

– Што ж это мы?! – всплеснула руками женщина в годах. – Люди с дороги, с устатку, надо их приветить.

– Беру их к себе! – решительно заявила одна из молодежи.

– Это с какой стати?! – возмутились остальные женщины. – Али у других им будет худо?

– Дак я ведь безмужняя. Места в моей избе – сколько хошь. И угостить есть чем.

– Между прочим, Милава, не только у тебя нет мужика и не только твоя изба просторна, – сказала одна из молодежи, с вызовом подбоченившись. – Пошто так – все тебе и тебе! Как только кто новый появится в деревне – Милава тут как тут. Не выйдет! У меня тоже мужика нетути!

– И у меня! – присоединилась к ней третья.

Похоже, назревала не просто бабья перепалка, а целое эпическое сражение. Некрас Жила, которому в своих скитаниях не раз приходилось наблюдать подобные бабьи страсти, поторопился утихомирить молодец:

– Будет вам, красавицы! У меня есть предложение. Пока суд да дело, устроим вечерние посиделки вон там, на свободном месте, под санным стожком, где колоды лежат, – штоб не сидеть на сырой земле. Мы дровишек нарубим, костерок разожжем, а вы уж угостите нас, чем Бог послал, ибо голодному человеку не до песен и умных речений. Ну а дальше видно будет.

Намек Жилы был более чем прозрачен, и его поняли все.

Калики про себя удивлялись: где деревенские мужики? Жила насчитал всего троих, болезных с виду. Был еще глубокий старик с длинной седой бородой – скорее всего, знахарь, почему-то подумал атаман, да с десятков отроков – и на этом счет закончился.

Вскоре все разъяснилось.

– А мужики-то наши Казань воевать ушли в прошлом году, – сказала женщина в годах, которую звали Агафья. – До сих пор не вернулись...

Заметив на лицах калик переходящее дикое изумление – с какой стати жители Новгородской земли вписались за Москву?! – она разъяснила с горестным вздохом:

– Да ить татарин заезжий сманил, боярин хана Касима. Наобещал много чего за поход, медовые пряники и молочные реки. А наши-то дурни и повелись на его рассказы. Правда, сразу заплатил всем по денге золотом, дал каждому по шубе бараньей и по сермяге, а ишшо бабам на хозяйство муки отсыпал на прокорм до осени и масла отвесил по два пуда.

– Понятно, – сумрачно ответил Ратша. – История известная... – И, заметив вопросительный взгляд Жилы, объяснил не столько ему, сколько собравшимся возле них молодцам: – Ежели дело выгорит, то хан заплатит вашим мужьям сполна, не сомневайтесь. Когда Касим вместе с Великим князем Василием Темным в 1449 году ходил на Дмитрия Шемяку, меня, молодого и глупого, тоже нечистый туда

поташшил. И должен вам сказать, получил я тогда все, што было обещано, без обману. Но толку-то? Был гол, как сокол, таковым и остался.

– А как ваша деревенька-то называется? – спросил Жила.

– Горушка! – дружно воскликнули молодичи. – Шелонской пятины²⁵.

– Эх нас занесло... – Волчко с сокрушенным видом почесал в затылке. – Самая прямая дорога – это вокруг да около. До Нова-города ишшо топать не меньше пяти дней...

Спустя час на лужайке в центре деревни горел костер, над ним на треноге висел котел, в котором булькала затируха²⁶, прямо на траве женщины расстелили рядно – толстый холст из грубой льняной пряжи, уставили его неказистой посудой и разложили разные яства. Каждая молодича несла из дому все, что у нее было. У Ратши даже слюнки потекли, когда он увидел, что угощать их собираются не только затирухой и хлебушком. На импровизированном столе женщины расставили миски с няней²⁷, кулагой²⁸, солеными грибами, положи-

²⁵ Пятина – административно-территориальная единица (буквально, «пятая часть земли»), применявшаяся в различных славянских государствах с глубокой древности, в частности, в Новгородской Руси. В каждой пятине насчитывалось несколько присудов (уездов), и в каждом из них было по несколько погостов и волостей.

²⁶ Затируха – кушанье из толокна или любой муки. «Крупку» делают путем набрызга кипятка на слой муки или толокна с последующим перетиранием в ладонях. Сушат ее в тени и сохраняют в корце – берестяном или лыковом коробе.

²⁷ Няня – традиционное блюдо русской кухни. Представляет собой вычищенный бараний или свиной желудок, начиненный рубленным мясом, потрохами,

ли свежие кокурки, – сдобные пшеничные хлебцы с запеченным внутри яйцом, но главное, Милава принесла целый бараний бочок, запеченный на открытом огне. Мясо было холодным, и его поставили на огонь, чтобы подогреть.

И жажду тоже утолить было чем. Жидкий овсяный кисель, квас, бражка и даже медовуха, причем столь ароматная и крепкая, что от ее запаха уже начинала кружиться голова. «Что ни говори, а появление калик переходных (да еще таких крепких молодцев, как мы!) в деревне, где в большинстве были женщины, всегда праздник», – с удовлетворением подумал Некрас Жила. Не выдержав приличия, он быстро плеснул из братины медовухи в свою вместительную кружку и махнул ее до дна, как за себя кинул.

– Ох, хороша! – крикнул он, почувствовав, как по жилам побежал огонь.

– Такой медовухи и в Нова-городе не сыщешь, – гордо сказала одна из молодежи, которую звали Елица. – Муж мой покойный делал... – При этих словах она многозначительно стрельнула глазами в сторону Жилы. – Как ее варить, прадед ему в наследство передал.

Пужинали быстро. Голодному человеку не до застольных

гречневой кашей, пряностями, зашитый и запеченный в русской печи – в чугунной латке или в вольном духу.

²⁸ Кулага – традиционное русское лакомство. Готовится из ягод калины, малины, черники, голубики и т. д., с солодовой или мучной болтушкой. После недолгого брожения запекается в чугунном или глиняном горшке. Для придания более сладкого вкуса в кулагу добавляют сахар или мед.

приличий. Женщины с удовольствием наблюдали, с каким жадным аппетитом калики отдают должное их угощению. Насытившись, Некрас Жила мигнул Спирке, и тот, быстро осушив чашу с медовухой до дна, взял в руки гусли.

– Добрые хозяйюшки! – повел зачин Некрас Жила. – Благодарствуем за угощение от всей души. Угодили вы нам, ох, как угодили. Господь за доброту вашу непременно окажет вам великие милости. Для начала сразу скажу: новостей особых у нас нет, мы шли из Пскова в основном по глухим местам, да заходили в деревушки – такие, как ваша. Разве што во Пскове дела темные творятся, псковский люд переполошился, – бояре город и земли без ведома Вече отдали под руку царю московскому Ивану. Пропал вольный город Псков! Царь обещает не трогать псковские вольности, да кто ж ему поверит? Так, гляди, он и до Нова-города доберется... Но не буду говорить о грустном. В песне об этом лучше сказано. Спирка, твой выход! Эй, Радята, Шуйга, носами не клевать!

Спирка ударил по струнам, гусли громко зазвенели, их серебряный голос поднялся к звездному небу, на котором робко проклюнулся молодой месяц, и Радята запел. Голос у него, несмотря на немалые годы, был сильным, звучным и хорошо обкатанным – как морская галька, которую столетиями шлифуют морские волны. Радята пел старинную песню из «Голубиной книги»²⁹ о прощании души с телом, о том,

²⁹ Голубиная книга – сборник народных духовных стихов XV–XVI вв., в вопросах и ответах которого даются сведения о происхождении мира, людей, со-

как плачет земля и как Пресвятая Богородица умоляет своего Сына пощадить грешных.

Старухи и женщины в годах прослезились, молодки призадумались, горестно кивая головами, вспомнив своих беспутных мужей, которые повелись на посулы вербовщика хана Касима, а ребятня, до этого устроившая шумные игрища, которые в темное время суток были для них внове, – ночью детей на улицу не выпускали, опасаясь лесной нечисти, – притихла и сбилась в кучку, как цыплята возле наседки. Радята постепенно разошелся (хотя Спирка всем своим видом умолял его уступить место сказителю Шуйге, потому как Милава бросала на него такие выразительные взгляды, что его бросало в жар) и спел еще несколько песен, пока Жила не оборвал его и не передал слово Шуйге.

Атамана тоже задела за живое другая прелестница, Елица. От нетерпения он так сильно ерзал по земле, что в какой-то момент испугался: вдруг протрет дыру на заднем месте, вот стыда-то будет – чем срам прикрыть? Штаны и так ветхие, того и гляди рассыплются на заплаты, коих не счесть.

Наконец приступил к делу и Шуйга. Слепец был краснобай еще тот. В его голове хранилось много разных историй, в основном сказочных, и он мог витийствовать хоть целую ночь напролет. Некрас Жила осмотрелся и невольно поцоккал языком в восхищении: Спирка и Милава словно раство-

словий, сведения географические, естественнонаучные и другие. Некоторые из стихов вошли в песенный репертуар калик переходящих.

рились в темноте. Даже страшенький с виду Рожа куда-то исчез. Собственно говоря, даже не куда, – это и так ясно – а с кем; это был вопрос, что называется, на засыпку. Волчко не пользовался успехом у женщин. Видать, какой-то из молодежи совсем уж припекло...

Только Ратша все еще пребывал в раздумье, с кем ему коротать ночь. Мужик он был видный, хоть и татарского обличья, и возле него вертелись аж три молодки. Жила с интересом немного послушал несколько надтреснутый голос Шуйги, – тот рассказывал что-то новое – а затем мигнул Елице, и они потихоньку удалились от догорающего костра.

Глава 3

ИКОНОПИСЕЦ

Сильное течение швыряло сшивной карбас из стороны в сторону, и гребцы напрягали все силы, чтобы держать его на глубине. Слева и справа проносились коварные камни, которые торчали из воды, как гнилые зубы древней старухи; они запросто могли пропороть днище карбаса, и тогда пришлось бы спасаться на скалистом берегу, до которого еще нужно было доплыть. Река Кереть в начале лета полноводна, а потому для плавания опасна. Она состояла из цепи озер и плесов, соединенных между собой порожистыми участками. На реке насчитывалось более тридцати порогов и скатов, поэтому в некоторых местах карбас приходилось тащить волоком, что было нелегко. Тем не менее все трудности путешествия по Керети сглаживали природные красоты реки.

Истома никогда не бывал на Керети. Ему уже приходилось выходить в море и рыбачить в озерах, он умел управляться с веслами и парусом (дети поморов быстро взрослеют), мог бросать сеть и знал, как словить красную рыбу на уд, был способен приготовить особую наживку, чтобы рыбалка вышла удачной, но так получилось, что по Керети он шел впервые. Ему здесь нравилось абсолютно все; даже те моменты, когда он пыхтел вместе со всеми, прорубая в мелколесье просеку для волока и заготавливая короткие древес-

ные чурки, чтобы карбас шел не юзом, а катился по ним.

Юный Яковлев не испытывал усталости. Ему недавно исполнилось четырнадцать лет, он превратился в гибкого, как лоза, и шустрого, словно белка отрока, обладающего недюжинной силой, к тому же не по годам смышленного и начитанного. Ума и грамотности у него значительно прибавилось от общения с иконописцем Матвеем Гречином – его новым учителем и наставником.

Их знакомство получилось совершенно неожиданным. После окончания «училища» дьякона Есифа, Истома маялся праздностью, если не сказать дурью. К делу его приучать было рано, особых забот в зажиточной боярской семье Яковлевых он не испытывал, поэтому по натуре деятельный юнец убивал время как только мог и умел.

Поначалу днями он пропадал в компании сверстников, – рыбачил, охотился и вместе с ними устраивал разные каверзы, затем, наигравшись и натешившись вволю свободой, устал от ничегонеделания и начал вырезать из кости разные фигурки. Этому ремеслу он научился от отца. В Колмогорах многие занимались резьбой по кости, благо в Заволочье и рогов Индрика-зверя, и рыбьего зуба³⁰ хватало с избытком, а зимние вечера скучны, длинные, и чем-то нужно себя занять. Женщинам в этом вопросе было проще: они ткали, вышивали, вязали, шили одежду, а некоторые даже тачали обувь.

Но затем ИстOME пришел в голову потрясающий замысел.

³⁰ Рыбий зуб – моржовый клык (*устар.*).

Что самое интересное – среди ночи! И он взялся за работу с нерастраченным на разные житейские заботы пылом юности и яростной самоотверженностью первопроходца.

Первым делом Истома сколотил небольшой двухэтажный ящик-домик из тонких досок – чтобы с ним было легче управляться. Затем установил его на ножки – точно как стол – приспособил к нему ставни, на каждом этаже вырезал в задней стенке ящика окна и двери, соорудил перильца на балкончиках, и у него получились миниатюрные господские хоромы. После этого он стащил у матушки кусок тонкого зеленого бархата, который остался у нее от рукоделья, и смастерил для своего потешного ящика-вертепа (именно его и замыслил создать юный умник!) занавес, который должен был скрывать все, что творилось ниже и позади него, – то есть туловище и ноги кукловода.

Дальнейшая работа оказалась гораздо труднее, потому что нужно было обустроить в потешном ящике сцену. Собственно говоря, это был не совсем вертеп, как его однажды обрисовал дядя Нефед, который видел нечто подобное на Готланде. Истома не намеревался показывать разные библейские истории. Наоборот – для начала он решил задействовать в своих представлениях народных любимцев Василия Буслаева и купца Садко, притом отнюдь не в героическом виде, а также Ивашку-дурачка. Истома собирался сделать его главным персонажем своих представлений. Дурак, он и есть дурак, поэтому волен говорить все, что только взбредет ему в

голову. И ничего ему за это не будет.

Куклы у него получились – загляденье, хотя попыхтеть над ними пришлось. Он и одежду для них пошил, и лица нарисовал. А вот с раскраской вертепа – с прорисовкой внутреннего убранства хором – у него вышла загвоздка. Мазила из Истомы оказался никудышный. И тогда он вспомнил, что в Николо-Корельском монастыре обретается знатный иконописец Матвей Гречин, о чем ему поведала мать, которая часто жертвовала обители, пребывающей в запустении после набега мурманов, деньги и продовольствие.

Прежде Матвей Гречин жил в Великом Новгороде, но чем-то не потрафил властной боярыне Марфе Борецкой, и ему пришлось перебраться в Заволочье, где его приютили монахи Николо-Корельского монастыря. Собственно говоря, в северные пятины переселялись многие новгородцы, в том числе и посадник Своеземцев, друг семьи Яковлевых, сбежавший от мстительной боярыни Марфы Борецкой и поселившийся с семейством на Ваге. Василий Степанович Своеземцев даже основал Богословский монастырь, чем заслужил большое уважение поморов. А боярин Мирославский, товарищ Своеземцева, сбежать не успел и поплатился за тяжбу с Марфой Борецкой заключением в подземную тюрьму.

Заволочье всегда было местом подвигов боярской молодежи, которая вступала в борьбу с инородцами и московскими отрядами и нередко отказывала в повиновении даже са-

тому Великому Новгороду. Поэтому беглых из северных пятин никогда не выдавали новгородским приставами, хотя такие поползновения случались, да больно руки коротки у них были.

Для юного выдумщика, легкого на подъем, собраться – только подпоясаться. Нацарапав на бересте несколько слов матери – чтобы ее успокоить (отца дома не было, он объезжал свои владения – соляные копи) – Истома закинул потешный ящик за плечи, благо тот весил немного, ножки он сделал съемными, а еще ему сшили для вертепа чехол с лямками, двумя кожаными ремешками, дабы можно было его переносить, и подался на пристань, где быстро сговорился с кормчим карбаса, который отправлялся на ловы в устье Двины. Утром следующего дня он уже входил в ворота Никола-Корельской обители. Его впустили сразу, безо всякой задержки, когда он сказал, что сын боярыни Любовы Яковлевой. Для приличия поставив перед иконостасом свечу и отдав монастырскому казначею подношение, – кошелек с монетами – принятое с поклоном и благодарностью, он попросил провести его в келью Матвея Гречина.

Возможно, монах и удивился такой необычной просьбе, прозвучавшей из уст отрока, но виду не подал. Имя боярыни Любовы Яковлевой могло открыть перед ее сыном все двери в монастыре, даже те, куда простым мирянам запрещалось входить.

Впрочем, Матвей Гречин не выразил желания стать мо-

нахом-затворником и жил в отдельной избе, мало напоми-
навшей келью схимника. Он вполне довольствовался надеж-
ным убежищем – святой обителью, охранявшей его от гнева
сильных мира сего. Так что крыша над головой у него бы-
ла надежная, да и кормили его вполне сносно. У Николо-Ко-
рельского монастыря была своя солеварня и богатые рыбные
ловища, поэтому продовольственных запасов хватало и для
монахов, и на продажу. За приют и харчи иконописец Мат-
вей Гречин платил своими трудами – писал образа, пользо-
вавшиеся большим спросом по всему Заволочью и даже в
Новгороде.

Художество в семье Гречина было делом семейным. Его
знаменитый предок Олисей Гречин два с половиной века на-
зад руководил артелью иконописцев, расписавших церковь
Спаса Преображения на Нередице. Был он и впрямь греком,
связавшим свою судьбу со святой Русью. Но в крови Матвея
греческая кровь присутствовала в мизерном количестве, так
как все женщины его рода были новгородками.

В начале своего существования Николо-Корельский мо-
настырь был маленьким и бедным. Он состоял из несколь-
ких келий для братии да деревянного Никольского храма.
Среди икон этого храма находился образ Святителя Нико-
лая Чудотворца в серебряной ризе, принадлежавший осно-
вателю обители. С незапамятных времен Святитель Николай
почитался православными людьми, как покровитель море-
ходов, рыбаков и охотников. Именно поэтому поморы осо-

бенно чтили Николу Чудотворца и строили много храмов в его честь.

Вскоре после основания Никольской обители ее постигло тяжкое испытание. Летом 1419 года на монастырь напали мурманы – норвежцы, которые сожгли церковь и убили нескольких монахов. Мурманов было всего пятьсот человек, но поначалу противиться им было некому, и они изрядно порушили погосты Корелы и Заволочья: Неноксу, Конечный погост, Андреянов берег и острова. Безбожные мурманы сожгли тридцать пять церквей, в том числе Михайлов и Корельский монастыри. Многих христиан они посекали, пока не прибыла подмога. Поморы утопили две шнеки и бус норвежцев, после чего те благоразумно ретировались, избежав полного уничтожения.

При разгроме Корельского монастыря чудесным образом уцелел образ Святителя Николая – сорвав с него серебряную ризу, грабители бросили икону в море. Но спустя некоторое время она была обретена на морском берегу возле монастырского пепелища. Это чудесное событие и глубокая вера оставшихся в живых насельников Николо-Корельского монастыря помогли им не отчаяться и не уйти из этих мест.

За последние годы благодаря пожертвованиям бояр, переселившимся на Двину из Новгорода, монастырь обзавелся высокой оградой «в замет»³¹ с крепкими воротами и дву-

³¹ Замет – бревенчатая прясловая ограда из горизонтальных пластин, закрепленных в пазах столбов.

мя сторожевыми башнями. Был восстановлен Никольский храм, а также сооружены монашеские кельи и хозяйские постройки, в том числе и мастерская Матвея Гречина, служившая ему и жильем.

Гречин трудился над образом Христа Спасителя. Собственно говоря, икона уже была написана, и иконописец готовил лак, которым должен был покрыть свое произведение для красоты и лучшей сохранности. Истома знал, что в состав лака входит янтарь, который в народе называли алатырь-камень, и конопляное масло. Эту смесь и варил Матвей Гречин на водяной бане – для обогрева, приготовления пищи и других работ в келье стояла печь с дымоходом.

Мастерская иконописца напоминала склад: сложенные в стопки заготовки для икон больших и малых, амфора с узким горлом – в таких сосудах привозили из заморских стран оливковое масло, куски янтаря и кисти в горшочках, черепушки с красками разных цветов, частью на полках, но больше на полу, в одном из углов свалены куски малахита, из которого получалась зеленая краска, только нужно было камень хорошо перетереть в мелкий порошок и развести его олифой, тонкая листовая бронза, из которой изготавливались нарядные орнаментированные оклады для икон, и уже готовые оклады, различные столярные и кузнечные инструменты, небольшая наковальня, чеканы, рыбий зуб и резцы для его обработки, и еще много разных предметов и вещей, назначение которых Истома не знал.

Из обстановки в мастерской-келье присутствовали стол, два колченогих табурета, под окном расположилось узкое ложе, прикрытое какой-то ветошью, рядом с ним на подставке стояла бадейка питьевой воды с медным ковшиком на длинной ручке, и, наконец, в дальнем углу высился большой шкаф, в котором виднелись корешки толстых книг. Похоже, Матвей Гречин был большим грамотеем.

На немой вопрос иконописца: «Какого беса мешаете мне заниматься делом?!», монах скромно потупился и вежливо сказал:

– Это сын нашей благодетельницы, боярыни Любовы Андреевны. У него есть к тебе какое-то дело. Благодинный просил не отказать...

– Можешь быть свободным, – пробурчал Гречин, и монах, неслышно ступая, удалился.

Какое-то время в избе царило молчание: иконописец внимательно наблюдал за процессом варки лака, в любой момент готовый снять его с огня, а Истома не решался начать разговор первым; это было бы невежливо.

Наконец Гречин достал из котелка, наполненного кипящей водой, цилиндрический сосуд с готовым лаком, поставил его на стол и обернулся к отроку.

– С чем пожаловал, боярин? – спросил он без особого интереса. – Никак образок понадобился?

– Нет. Мне нужна помощь твоей милости.

– Да ну? – удивился иконописец. – И в чем она должна

заклучаться?

– Вот... – Истома освободился от лямок, поставил на пол вертеп и снял с него чехол.

– И што энто за диво? – В черных глазах мастера загорелся огонек восхищения; похоже, поделка Истома ему понравилась, хотя он пока не мог сообразить, что она собой представляет.

– Домик для потешного представления. Сделать-то я его сделал, а вот разрисовать не смог; нет у меня такого таланта. А хочется, чтобы это были красивые яркие палаты – как настоящие, только маленькие. – Тут ИстOME показалось, что иконописец готовится ему отказать, и он торопливо добавил: – Я дам хорошую цену! Заплачу, сколько положено.

– Кто бы сомневался... – Гречин хмыкнул. – А потешки уже готовы?

– А то как же! – Истома порылся в сумке, где лежали его съестные припасы на дорогу и разные необходимые мелочи, и достал оттуда свои произведения.

– Надо же! – восхитился Гречин. – Эта потешка – Васька Буслай, вторая – вылитый купчина новгородский Садко Сытинец, а это... ну конечно же Ивашко-дурачок! Да ты, боярин, большой умелец, оказывается! Похвально, похвально... И как потешки будут выглядеть в представлении?

– Я сейчас!

Истома установил потешный ящик, закрыл низ бархатной занавесью и для начала надел на руку, как перчатку, куклу,

изображавшую Ивашку. Спрятавшись за вертепом, он стал манипулировать куклой, и Ивашко задвигался, задергался, пробежался по балкончику, начал размахивать руками и вертеться, а затем тонким фальцетом, совсем непохожим на голос Истома, завел речь:

– Здравствуйте, господа! Вот пришел я к вам сюда. Убежал от боярина, который хуже татарина. Расплатился он со мной вчистую – дал мне мошну пустую, уплатил за сутки – день да ночь, я и ушел прочь. Иду по улице, гляжу – хоромы. Вот я и дома! Но туда меня не пускают, прочь прогоняют. А я им скалочкой пригрозил и немного побузил. Перестали на меня кричать, да стали приглашать: «Пожалуйста в горницу, ваше степенство, нет у нас барина, живите вместо боярина!» Вот и сказу конец, а кто слушал – молодец!

– Великолепно! – Гречин захолопал в ладони. – Сам сообразил сварганить такую потешку, али кто подсказал?

– Подсказки не было. Просто нечаянно вспомнил, как мой дядя Нефед баял о своем путешествии к мурманам. Вот там он и углядел нешто подобное.

– Твой потешный ящик называется у немцев вертепом. Только в нем представляют житие святых, а ты вон што удумал... Хулы не боишься? А то ведь с этим у нас строго.

– Дак ведь не съемши кислицу, вкусу ее не познашь.

– Вот не ожидал познакомиться с доморощенным философом... – Матвей Гречин добродушно улыбнулся. – Твоя правда. Только потешек, по-моему, маловато для представ-

ления.

– Сам знаю. Я хочу изготовить ишшо немца, старуху, лекаря и козла. Есть у меня занимательные задумки...

– Вижу, котелок у тебя варит. Боярский сын – а поди ж ты...

– Так как с моим заказом? Сговоримся?

– А куда теперь денешься? Признаюсь – сразил ты меня наповал. Диво дивное удумал. Тебе бы к скоморохам податься, денгу будешь грести лопатой...

Так они и познакомились. Матвей Гречин не просто рисовал вертеп, а вложил в него душу. Наверное, малевать образа ему прискучило, вот он и развернулся на потешном ящике во всю ширь своего недюжинного таланта. Гречин даже отчеканил двух петушков из яркой бронзы и поместил их на ставнях. А еще в помещении потешных палат он приклеил на стенку крошечные звездочки все из той же тонкой бронзы, и на свету они сверкали как золотые. Истома был на седьмом небе от счастья – экое диво сотворил мастер!

Расстались они почти друзьями, несмотря на разницу в возрасте; творческие натуры быстро находят общий язык. Гречин даже не хотел брать деньги за работу, но Истома настоял. Он нашел хитрый ход, сказав, что дает на краски, которые стоили недешево, особенно привозные, заморские.

Пока Матвей Гречин занимался искусством, Истома с его разрешения познакомился поближе с содержанием книжного шкафа. Судя по количеству рукописных книг и

инкунабул³² (все они принадлежали лично иконописцу), Гречин был богатым человеком, потому как книги ценились очень высоко. Чего стоило лишь одно «Евангелие», над которым изрядно потрудились златописец³³. Видать, большую часть своего заработка – а он явно был немалым – Матвей Гречин пускал на приобретение кладези знаний. Впрочем, не исключено, что некоторые книги достались ему по наследству.

В том, что Истома заинтересовался книгами, Гречин не усмотрел ничего странного – дети бояр, купцов и священников практически сплошь были грамотными. И не только они. В Великом Новгороде было много разных училищ, в которых обучались дети горожан независимо от их зажиточности и общественного положения. Кроме того, существовали еще и школы «мастеров грамоты». Мастера грамоты сделали промысел из обучения. Они основывали школы в семьях, в

³² Инкунабулы – книги, изданные в Европе от начала книгопечатания и до 1 января 1501 г. Издания этого периода очень редки, так как их тиражи составляли 100–300 экземпляров.

³³ Златописец – мастер, покрывавший золотом заставки и отдельные участки миниатюр. В создании рукописной книги кроме златописцев участвовали не менее семи ремесленников: доброписец чернописный – писец, воспроизводивший основной текст; статейный писец – воспроизводивший киноварью вязь, подстрочные и надстрочные записи, точки и другой текст, впоследствии прописывавшийся золотом; заставочный писец – художник, рисовавший заставки и буквы; живописец иконный – художник, рисовавший миниатюры; златокузнец, серебркузнец и сканный мастер – ювелиры, изготавливавшие драгоценный оклад книги.

домах учителей, при монастырях и церквях.

Особенно заинтересовала Истому книга «Хождение во Флоренцию». Он приник к ней, как жаждущий путник, бредущий много дней по пустыне, к роднику. Эта книга очень отличалась от всего того, что Истоме довелось читать в школе дьякона Есифа.

Имя автора книги он так нигде и не нашел; судя по всему, это был какой-то суздальский книжник. Но это обстоятельство не смущало юного боярина. В книге описывалось хождение митрополита Исидора во главе русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор в 1437 году и возвращение его на Русь спустя два года. Ливония, Германия, Италия, Сербия, Венгрия, Польша, Литва и города, встречавшихся на пути посольства, представляли перед глазами впечатлительного Истомы во всем их живом великолепии и многообразии – так, как будто он видел все воочию.

Он настолько увлекся чтением, что время, которое Истомы провел в мастерской иконописца, – два дня и две ночи – пролетело совершенно незаметно. Юный боярин и про сон забыл, читал даже ночью с милостивого соизволения Гречина, воткнув лучину в светец, чтобы не переводить зазря дорогое масло в жировом светильнике.

Вернувшись домой, – мать совсем извелась, дожидаясь своего беспутного сына, – он первым делом обустроил на заднем дворе «театр» (приказал слугам притащить несколько бревен и разложить их полукругом), а затем созвал при-

ателей-одногодков, а также их братьев и сестер меньших, и устроил первое представление, которое увенчалось сногшибательным успехом. Вскоре вертеп Истомы стал знаменательным событием в жизни Колмогор. Как и было задумано, он смастерил еще несколько персонажей для своих пьесок, которые придумывал, что называется, на ходу, и, к его удивлению, на представления начали ходить даже убежденные седидами старцы, которые жили по соседству.

Отцу затея Истомы пришлось не по нраву, но он не стал перечить сыну, обладавшему упрямым и независимым характером. Пусть забавляется, по здравому размышлению решил Семен Яковлев. Все ж не баклуши бьет, а занимается делом, хотя оно и принижало боярское звание. Но нравы в Заволочье были даже демократичней, нежели в вольном городе Новгороде, поэтому старший Яковлев махнул рукой на забавы сына – пусть его. Еще год-два – и Истоме будет не до игрищ. Да и забот у Семена Яковлева хватало.

Боярин Филипп Григорьев, хоть и слаб был характером, а все-таки дожал Яковлевых. Конечно, не будь у него жены, отличающейся жадностью непомерной и коварством, которая вилась над богатыми угождениями Яковлевых как черный коршун, можно было договориться ко всеобщему удовольствию, но безвольный Филипп был под каблуком у Марфы, и сделка состоялась. Что поделаешь, долг платежом красен, и отдавать его все равно нужно. Поэтому отцу Семену Яковлеву пришлось воспользоваться советом брата Нефеда.

Несколько позже Истоме удалось тайком прочитывать договор: *«Се купи Филип Григорьев у Яковлих детей у Нефедья и Семена Корельской наволок, землю и воду, и пожни, и рыбные ловища и всякие угодья от Тойнокурьи до Кудмы; и по Кудме вверх землю и воду, и пожни, и бобровые ловища, и всякие угодья до озера, и в озере ловлю рыбную; и на Малокурьи землю и воду, и пожни, и рыбную ловлю до Улонимы. А дал Филип две тысячи белки Нефедье и Семену...»*

Конечно, две тысячи белок – это был суший мизер. Но план дяди Нефеда удался на славу – Яковлевы оставили себе «никчемные» земли по реке Неноксе и по Керети, где рудознатцы нашли залежи соли и мусковита.

Вскоре рудники заработали, и семейное предприятие братьев Яковлевых начало давать большую прибыль. Верные люди донесли, что боярыня Марфа, узнав, как ее ловко обвели вокруг пальца, взбесилась. Конечно же она затаила на Семена и Нефеда Яковлевых зло, но, как говорится, близок локоток, да не укусишь. Надобность в займах отпала, торговля солью и мусковитом шла бойко, – купцы низовые в очередь становились – и в семье Истомы воцарился мир и покой.

Когда пришла зима и завьюжило, Истома вдруг попросился, чтобы его отправили на обучение к Матвею Гречину. Решив, что сын намеревается заточить себя в монастыре, отец поначалу пришел в ужас, – кому дело передать?! – сам он уже в годах, а остальные дети мал мала меньше – но Истома успокоил его. Ему всего лишь хотелось научиться рисовать,

а главное, продолжить книжное обучение. Узнав об этом намерении, Семен Яковлев оттаял, даже обрадовался, и едва на Волхове стал крепкий лед, самолично отправился на переговоры с благочинным, настоятелем монастыря, – естественно, не с пустыми руками. Просьба щедрого боярина нашла понимание, Матвей Гречин не возражал (даже воспрянул духом; с монахами ему было скучновато), и юный боярин поселился в его мастерской-келье.

В отличие от школы дьякона Есифа, где Истома учился неважно, в монастыре он набросился на книги с невероятным рвением. Он читал все подряд, а в перерывах между чтением инкунабул слушал уроки иконописца и сам пробовал рисовать. Гречин обучал его, как готовить краски и лаки, в каких пропорциях их составлять, чтобы получился нужный цвет, какое дерево годно для досок, на которых малевали образа, как его сушить и обезопасить от древоточцев, какие грунты нужны под краски, из чего делать кисти, и многому другому. Это дело оказалось для Истома чрезмерно трудным, хотя приемы писания икон он перенял. Но изображать святых, как должно, он так и не научился; они получались у него непотребными, совсем непохожими на канонические образы.

Впрочем, Матвей Гречин особо его и не напрягал; рожденный ползать летать не может. Он понимал, что для Истома художество – это баловство. Главным для юного боярина было книжное чтение и долгие беседы по вечерам, возле

печи, в которой жарко пылали поленья. Гречин стал для боярского сына настоящей сокровищницей полезных знаний. Он был широко образованным человеком и рассказывал Истому такие вещи, о которых на Руси имели понятие только редкие книжники.

Два года жизни и учебы в монастыре пролетели незаметно. За это время Истома стал совсем другим человеком, несмотря на свой юный возраст – более серьезным, жестким и начитанным. Книги открыли для него другой мир, и он был необычайно интересным, увлекательным, не то, что прозябание в северной глуши. Его душе хотелось чего-то иного – простора, шири необъятной, приключений, но отец решил по-своему.

– Собирайся! – сказал он однажды. – Будем знакомиться с нашими владениями. Пора тебя приставить к делу, вон какой большой вымахал. Да и уму-разуму набрался, как мне доложил Гречин.

Раньше Истома воспротивился бы отцовской воле, но теперь смолчал. «Поживем – увидим, как оно дальше будет», – не по летам рассудительно подумал юный боярин. Так он оказался в карбасе, который плыл по Керети, направляясь к руднику Яковлевых, где добывали мусковит.

Глава 4

ГОРОД

Расположенный по течению реки Волхов, в двух верстах от ее истока из озера Ильменя, вольный город Великий Новгород разделялся рекой на две половины или стороны – Торговую на восточном и Софийскую на западном берегу. Первую сторону в народе называли Купецкой, потому что там велась вся торговля, а вторую – Владычней, где жил новгородский владыка.

Центром Новгорода был просторный и хорошо укрепленный град на Софийской стороне – Детинец. Новгородцы не сомневались, что его высокие каменные стены и башни могут выдержать многодневную осаду; если, конечно, среди защитников Детинца не найдется хриstopродавец, готовый за богатую мзду продать не только сограждан, но и мать родную. Внутри Детинца высились золотые главы церкви Святой Софии, и располагался двор владыки. Кроме того, там же было еще несколько церквей, судебная изба и дворы, построенные улицами. В 1334 году над всей стеной Детинца была сделана кровля, а на воротах, в каменных башнях, устроены церкви – Богоявления, Воскресения, церковь Василия на Прусских воротах и церковь Преображения, откуда был выезд в Людин конец, на юг.

За пределами Детинца простирался Великий Новгород,

разделенный на концы. На Софийской стороне полукружием около Детинца располагались три конца: на юг – Людин конец, или Гончарский, на запад – Загородный конец, а на север – Неревский. Ближайшая часть города к Детинцу называлась Околоток. На Торговой стороне было два конца: на юг – Славенский, на север – Плотницкий.

В Славенском конце в любое время года бурлил Торг – главное доходное место новгородцев практически всех сословий. Главным на Торге считался Великий ряд, где находились постоянные торговые лавки и амбары. Там же находились весовщики, собиравшие «весчее» – сбор за взвешивание товара, и менялы со своими столыцами.

На Торге находилось и Ярославово дворище, получившее свое название по имени князя Ярослава Мудрого. Там располагался его княжий двор. В разные времена на Торге было построено много церквей, а между ними стояла Вечевая Башня со ступенями, на которой висел колокол, созывавший народ на вече. Неподалеку от Ярославова дворища находились торговые дворы: Немецкий, Готский и Плесковский. Из Славенского конца от Вечевого майдана через Волхов шел в Людин конец мост, уставленный купеческими лавками для красного товара.

Город со всеми его пятью концами был окружен земляным валом, а за ним – глубоким и широким рвом, наполненным водой. Его выкопали в 1372 году, когда Новгород, после разорения Торжка войсками Твери, опасался нашествия

дружины тверского князя. В 1383 году, чтобы предупредить наступление князя Дмитрия Донского, новгородцы расширили этот вал более чем на три сажени³⁴, в некоторых местах соорудили каменные башни – «костры», а поверх вала поставили деревянный частокол.

За Неревским концом у самого вала протекал ручей Гзень; он поворачивал к востоку и впадал в Волхов. За Люденым концом находилось Жидическое озеро, или Плесо, Торговая сторона была окаймлена речкою Копанью, а на южной стороне, за Славенским концом, протекал ручей Жилотуг, сливавшийся с другим протоком, Малым Волховцем. Ближе к валу, за Плотницким концом, протекала речка Витка. Все эти незначительные ручьи и речушки в половодье приносили немало бед, но на все воля Божья, как смиренно говорили новгородцы.

Вал, огибавший Новгород на обеих сторонах Волхова, не был границей городских построек. За ним, на значительном пространстве во все стороны, располагались посады, прилежавшие к монастырям. Их было много, и все они принадлежали не Новгородской земле, а самому Господину Великому Новгороду. Эти посады с дворами, рассеянными там и сям, с огородами и садами, придавали Новгороду вид огромнейшего города. Его окрестности были болотистыми, и в сильные

³⁴ Сажень – старорусская единица измерения расстояния. В Древней Руси применялась не одна, а множество разных сажений. Здесь сажень городовая равна 284,8 см.

разливы покрывались водой, исключая возвышенности, где стояли монастыри; но иногда случалось, что вода доставала и до самых монастырских стен.

Все это было хорошо знакомо Ратше в отличие от калик, которые были родом из других краев земли Русской. Ему пришлось выступать в роли зажиточного хозяина, который водит гостей по своим богатым хоромам, рассказывая, где находится горница, где светлица и сенник³⁵, и как пройти в повалушу³⁶ или в его личные покои. Но, главное, он просто обязан объяснить им, в каком закутке располагается нужный чулан – чтобы во время застолья они не смущали пирующих непристойными расспросами и не терпели адские муки, когда надо маленько разгрузить желудок, наполненный вкусной едой под самую завязку, или, что самое худое, куда бежать, когда прижмет естественная надобность, да так, что не вмоготу.

На мосту, который соединял вечевой майдан с Людиным концом, новгородцы, по своему обычаю, выясняли отношения с помощью мордобоя. В Новгороде такие драки были обыденным явлением – как, к примеру, летний дождик или зимой выюга. При этом шум и гам над мостом стоял такой, что, наверное, рыба в Волхове глохла.

– Это смута какая, али што?! – испугались слепцы.

³⁵ Сенник – холодные покои; обычно в них устраивалась брачная постель.

³⁶ Повалуша – комната для приемов гостей; всегда ставилась особняком от жилых хором и соединялась с ними сенями – крытым переходом.

Для их острого слуха гвалт от бузы на мосту был нестерпимо громким. Граждане вольного города пытались понять, из-за чего разгорелся сыр-бор и к какой стороне примкнуть, чтобы всласть почесать кулаки.

– Народ дурью мается... – буркнул Ратша. – Обычное дело. Уйди, не то зашибу! – рявкнул он, увидев, что на него несется здоровенный дылда с пудовыми кулачищами.

Похоже, парень был «клиновым»³⁷. Видимо, ему здорово досталось по башке, и в мозгах у него случилось помутнение, после чего людским водоворотом он был выброшен в толпу зевак. А когда оклемался, то перепутал грешное с праведным, посчитав Ратшу, который держал в руках ослеп, за одного из бойцов противоборствующей стороны, хотя тот и прицепил длинную седую бороду, изображая почтенного старца. Ведь в кулачных боях принимали участие все, кто мог крепко стоять на ногах, невзирая на возраст. К тому же в схватках на новгородском мосту нередко использовались палки, посохи, кистени, разнообразные тяжелые заначки в рукавицах и даже ножи – в зависимости от значимости события. Поэтому дубье в руках «старца» подействовало на детину, как красная тряпка на быка.

Скорее всего, решил Ратша, в данный момент решается какое-то серьезное дело, связанное с вече. Договориться полюбовно на всеобщем собрании не удалось, вот теперь народ

³⁷ Клиновой – боевой холоп; в кулачных боях «стенка на стенку» он становился на «челе» – в центре построения.

и решал в кулачном бою, чей будет верх. Ведь победитель всегда прав.

Дылда не послушался доброго совета, и Ратше не оставалось ничего другого, как вспомнить молодость. Бить здоровилу ослопом он не стал, – чужие разборки ему были ни к чему – лишь слегка отступил в сторону, пропуская его мимо себя, а затем припечатал таким смачным пинком ноги пониже спины, что забияка пропахал носом добрую сажень хорошо утоптанной землицы. После этого Ратша, не дожидаясь, пока дылда очухается и возжаждет мести, увел калик в толпу, которая скрыла их так, будто они были за стеной деревьев в глухом лесу.

– Похоже, простому народу малое вече на большую мозоль наступило, – сообщил Ратша каликам, немного расспросив ротозеев. – Вот черный люд и взбунтовался. А супротив них выступили житьи люди. Ясное дело, не сами, а наняли таких, как тот бугай, которому я рога пообломал.

– Что такое малое вече? – живо поинтересовался Волчко, который имел смутное представление о новгородских порядках, так как родом был из Киева.

Он знал грамоту и любил складывать в своей изуродованной башке интересные факты, чтобы при случае щегольнуть не только разными штуками, на которые был горазд, но и ученостью.

– Вот нас, к примеру, всего шестеро, и то нередко спорим до хрипоты, – ответил Ратша. – А бывает, что и за грудки

хватает друг друга. Каждый считает свое мнение самым верным. Не будь атамана, мы уже давно передрались бы и разбежались в разные стороны. Так и на новгородском большом вече. Людишек там – не сосчитать. И каждый свое долдонит. Это же так можно судить-рядить до нового пришествия. Поэтому было решено выбрать наиболее уважаемых граждан – их назвали «триста золотых поясов», чтоб они представляли весь народ. Малое Вече собирается возле Никольского собора, а Большое – возле Софийского. А ишло есть уличные и кончанские³⁸ народные собрания. Уж там-то почти всегда доходит до драки.

– Нам бы чего-нибудь откусать, – мрачно заявил Спирка. – Со вчерашнего дня не емши...

– Укатали сивку-бурку крутые горки! – хохотнул Волчко. – И то верно – любовью сыт не будешь. Похоже, брат, Милава выжала тебя досуха.

– Заткнись, Рожа! – огрызнулся Спирка. – На себя оборотись. Сам хорош – утром тебя за ноги из клетки ташшили. Без помощи Некраса подняться не мог.

– А не пошел ты!.. – озлился заводной штукарь.

– Цыц, сукины дети! – гаркнул Жила. – Ратша, веди нас в корчму. А то они перегрызутся с голодухи, как собаки.

³⁸ Во главе каждого новгородского конца стоял выборный кончанский староста, который вел текущие дела. Он правил не один, а вместе с коллегией знатных обывателей, составлявших кончанскую Управу. Она была исполнительным учреждением, действовавшим под надзором кончанского Веча, имевшего распорядительную власть.

– Есть тут одно укромное местечко... – Было видно, что Ратша колеблется.

– Ну и за чем остановка? – недовольно глянул на него атаман.

– Боюсь, што там меня могут узнать. Корчемник точно опознает, какую машкару не надень, он, как змей подколодный, скрозь землю видит, но Чурило (так его кличут) свой человек, не выдаст, не в его интересах. А вот ежели меня раскусят корчемные ярыжки, среди которых могут быть доносчики, тогда будет худо.

– Не бойсь. Тебя нонче сам леший не узнает.

Ратша что-то буркнул себе под нос, тяжело вздохнул, натянул поглубже на голову изрядно тронутый молю войлочный колпак и решительно начал пробираться через толпу, которая почтительно расступалась, узрев калик переходящих, среди которых были слепцы и древние старики. Действительно, его было трудно узнать. Кроме старческой бороды Ратша наложил на лицо грим, изображавший морщины, и горбился, старательно пряча свою физиономию от нескромных взглядов.

Он долго водил калик по узким кривоколенным улочкам и переулкам, моря грязь (в Новгороде не все улицы были вымощены дощатыми настилами, только главные), пока ватага не оказалась в тупичке возле ворот, в которых была прорезана калитка и оконце, закрытое ставнем с обратной стороны. Немного помедлив, Ратша решительно постучал в воро-

та, притом явно условным стуком.

Оконце распахнулось сразу же, будто калик ждали. Заросшая бородищей разбойная рожа некоторое время с сомнением разглядывала калик перехожих, но, узрев гусли, которые Спирка нарочито передвинул со спины на живот, недовольно буркнула:

– Шляются тут... разные. Заходите, коль вас нечистый принес.

Калитка, звякнув засовом, отворилась, и ватага зашла на просторный двор, со всех сторон огороженный высоким забором. Прямо напротив ворот стояла просторная изба, подле нее валялся вдрызг пьяный ярыжка, лицо которого заботливо вылизывал дворовый песик, а его товарищ, цепляясь за стены, делал попытки встать на ноги. Похоже, земля притягивала его со страшной силой; он падал, ужасно сквернословя, но снова и снова пытался встать на ноги с неистребимым русским упрямством.

Их встретил привратник – если так можно назвать корчемного вышибалу – косая сажень в плечах. Такому бы в самый раз записаться в гриди, стать у него была, что надо, – богатырская, да вот только на его физиономии, заросшей рыжими волосами по самые глаза, явно были видны следы вырождения. Привратник был не русич; скорее всего, родом из племен емь³⁹ или сумь⁴⁰, как определил Некрас Жила. Ему

³⁹ Емь, ямь – карельское племя с северного побережья Ладоги.

⁴⁰ Сумь, суоми – прибалтийско-финское племя. Вместе с емью и западными

доводилось иметь с ними дело. В прежние времена емь и сумь даже приходили воевать на новгородские земли, но теперь жили мирно, а часть их вообще породнилась с новгородцами и растворилась в народе русском, напоминая о своем существовании лишь внешностью.

– Топайте... туды, – недружелюбно указал привратник на приоткрытую дверь избы.

Из двери на калик переходящих дохнуло кухонным чадом, духом кислых щей, перегаром и запахом крепкого мужского пота. Впечатлительный Спирка, привычный к чистому воздуху и свежей еде, приготовленной на костре, поморщился, из-за чего на его курносом носу явственно проступили рыжие веснушки. Ратша, сообразив, почему Спирка недоволен, насмешливо глянул на гусяра и подтолкнул вперед со словами:

– Сам просил, где бы откусать. Шибко не переживай, кормят здесь сытно. А што дух такой, хоть святых выноси, да грязи хватает, то уж извини, брат, – корчма-то тайная, кончанский староста сюда для проверки не заглядывает. Зато у Чурилы – как у Христа за пазухой. Ешь, пей, сколько влезет, только денежки плати. Знающие люди идут к нему со всех концов – у Чурилы еда и выпивка дешевле. А уж для татей и разных темных людишек здесь и вовсе раздолье, потому как к Чуриле приставы носа не кажут. Хитер, бес, знает, кому можно подмазать...

Некрас Жила с пониманием кивнул. Тайная корчма – этим все сказано. Долгое время корчма была «вольной». Кто имел желание, а также небольшую сумму денег для почину, тот и заводил корчму, при этом ни о каких налогах и сборах в пользу власти не было и речи. Вольная корчма в Новгороде не только поила и кормила народ, но была еще и местом, где люди судили-рядили о делах насущных, а затем, приняв решение, шли к Софийскому собору, чтобы выразить свою волю на большом вече.

В конечном итоге ушлые новгородские посадники смекнули, где находится бездонная кладезь для пополнения казны, и вольная корчма сначала была обложена большой пошлиной, затем стала общественно-городской и, наконец, перешла в наследственную собственность богатых арендаторов, которые были в состоянии заплатить немалый налог. А платить было с чего. Там, где появлялась корчма, всегда становилось многолюдно, начиналась широкая торговля и кипучая деятельность, а значит, росли и доходы корчемника. Невзирая на постоянно увеличивающиеся подати и притеснения, владельцы податных корчем непомерно богатели, приобретая за короткий промежуток времени целые состояния.

С введением немалой пошлины многие корчемники – из небогатых – ушли в тень. Тайное корчемство стало повсеместным. Тайная корчма из заведения народного, богоугодного, превратилась в место для скорой наживы. В ней стали

спаивать и развращать народ. Звание корчемника из высококого и почетного постепенно превратилось в низкое, позорное. Тайных корчмарей жестоко преследовали, налагали на них ужасные кары, отлучали от церкви, но ничто не помогало. Из-за гонений тайные корчмы вынуждены были перебраться в более глухие и недоступные преследователям места – в подвалы и на задворки.

Народу в тайной корчме Чурилы было немало. С виду неказистое строение оказалось на удивление просторным. Потолки в нем были низкие, а оконца, затянутые бычьими пузырями, давали так мало света, что в корчме царил полумрак. Калики перехожие, пока добрались к свободному столу, отдавили несколько ног. К удивлению, никто из обиженных даже голоса на них не повысил. Вскоре все разъяснилось – калик опознали. А в таких заведениях нищие странники пользовались всеобщим уважением.

Их обслужил сам Чурило, хотя у него был отрок на побегушках. Ратша старался держаться как можно незаметней, отодвинулся в самую густую тень, подальше от жирового светильника, который света давал немного, а чадил немилосердно. Но Чурило все старался заглянуть под его колпак, когда расставлял миски с едой и кружки. «Учуял-таки паленое, пес смердячий! – гневно подумал Ратша. – Вишь-ко, как свои зенки выкатил, черт лупатый».

Глаза у Чурилы и впрямь были огромными – бычьими. Да и сам он своей массивной фигурой смахивал на бодливого

быка, которому рога пообломали. Чурило был лохмат, черен, как галка, но бороды и усов не носил, из-за чего смахивал на ганзейца⁴¹ или гречина⁴². Одевался он небрежно, тем не менее его платье было не из дешевых. Чурило вел дела с ушкуйниками, ссуживая их деньгами, на чем и обогатился. Мало кто в Новгороде знал, что он тайный корчемник. Якшаться с ушкуйниками не зазорно было даже боярам, и разбойники служили для темных делишек Чурилы надежной ширмой.

– Пейте-кушайте, святые люди, во здравие, – проникновенно молвил Чурило.

Ратша невольно удивился такой покладистости корчемника; обычно Чурило прежде всего требовал показать кошелек и что в нем бренчит, потому как к нему приходило немало ярыжек с полушкой в кармане в надежде на дармовое угощение. Такие «счастливые» для них дни иногда бывали – это когда харч на поварне приходил в негодность. Тогда его хо-

⁴¹ Ганзеец – представитель Ганзейского союза (Ганзы), который держал в своих руках всю торговлю на Балтийском и Северном морях и располагал монопольными привилегиями в других регионах. Союз возник в результате договора Любека с Гамбургом в 1241 г. Членами Ганзы в разное время были более 200 больших и малых городов, расположенных главным образом в бассейне Северного и Балтийского морей. Ганза была стратегическим торговым партнером средневекового Новгорода. На рубеже XI–XII вв. в Новгороде уже существовала торговая фактория Ганзы, которую основали купцы из Готланда – так называемый Готский двор с церковью Святого Олафа; новгородцы называли ее «Варяжской божницей». Несколько позже немецкие купцы-ганзейцы основали в Новгороде Немецкий двор.

⁴² Гречин – грек.

рошо разогревали, добавляли разных пахучих травок, чтобы отбить дурной запах, и отвратная еда шла за милую душу, благо желудки у ярыжек были лужеными, а полушки как раз хватало на жбан крепкой медовухи.

Но Чурило тут же развеял его недоумение следующими словами:

– Угощение за мой счет... только уважьте меня, спойте чего-нибудь. Порадуйте честной народ...

Некрас Жила, обрадованный столь неожиданным предложением, – на столе еды и питья не меньше, чем на четыре денги – это же какой прибыток в общую казну! – солидно кивнул и ответил:

– Премного благодарствуем за твои милости. Всенепременно сыграем и споем.

Чурило занял свое место за стойкой, которая была похожа на трон, – с этого высокого насеста он мог зорко следить за своими клиентами, чтобы никто из них не забыл по пьяному делу заплатить. Он был доволен своим замыслом. Калики перехожие и скоморохи заходили к нему очень редко, а кто ж не знает, что музыка и песни способствуют повышенной жажде, значит, посетители корчмы оставят ему гораздо больше денежек, которые значительно перекроют расход на ватагу.

Еда в корчме Чурилы оказалась выше всяких похвал: холодный квас для утоления жажды, горячее хлёбово – сытные

щи с грибами, к щам – кулебяка⁴³, затем подали крупеники⁴⁴ со сметаной и жареную рыбу. Что касается медовухи, то даже такой гурман, как Спирка, не мог точно определить, из чего ее делали. Не сказать, что она была совсем уж скверной, но очень забористой, и сразу била по мозгам, минуя желудок, – обычно от хорошей медовухи по жилам сначала разливалось тепло, и только спустя какое-то время человек начинал хмелеть.

– Вы не шибко налегайте на Чурилово пойло, – строго предупредил Ратша. – Оно может и коня с копыт свалить. Притом быстро: раз-два – и ты уже под корчмой мух считаешь. А нам ишшо народ надо потешить.

Насытившись, Некрас Жила поднялся и громко сказал, обращаясь к притихшим клиентам Чурилы:

– Люди добрые! Ходили мы долго, в разных краях стежки-дорожки топтали, много разных городов видели, но краше и богаче Господина Великого Новгорода во всем белом свете не сыщешь! Вот вам крест святой! – Атаман перекрестился.

⁴³ Кулебяка – готовилась исключительно из дрожжевого теста, с несколькими прослойками фарша – из мяса всех сортов, капусты, гречневой каши, крутых яиц, сушеной и вареной рыбы, грибов, лука и пр. Кулебякой, как и блинами, регулярно питались все слои населения – от крестьян и ремесленников до бояр и царей.

⁴⁴ Крупеник – запеканка из крупы, чаще всего гречневой, смешанная с творогом и вареными яйцами и смазанная сверху маслом. В качестве подливки к крупеникам используют мясной соус или сметану.

Люди одобрительно зашумели, закричали, кто-то начал стучать оловянной кружкой по столу в знак одобрения, но под грозным взглядом Чурилы в корчме снова воцарилась тишина.

– Были калики перехожие и в древности, когда поклонялись идолишшам поганым, и всегда калики были в чести, – продолжил Некрас. – Но не отошла каличья честь и когда православная вера завелась на святой Руси. Взяла она убогих странников под свою крепкую защиту и сказала определенно и твердо, что калики перехожие – первые и ближние друзья Христовы. Поэтому хотим мы от всей души отблагодарить хозяина нашего, который приютил и накормил нас, странников Христовых, всем, што в наших силах и возможностях. Слушайте, люди добрые!

Спирка ударил по струнам, и корчма наполнилась чарующими звуками; уж что-что, а играть он умел не хуже, чем за молодницами ухлестывать. И запели все трое: сам музыкант, Шуйга и Радята:

Свет у нас светится от господних очей,
А солнце сияет от святыя ризы его,
А заря занимается от солнца красного,
А небо ходит на воздушех,
А земля стоит на осьмьдесят китах рыбах меньшних,
Да на трех рыбах большгах...

Чурило довольно скалился – эх, повезло! В кои-то веки к

нему заглянули такие большие мастера. Поют-то как ладно, да складно! Он мигнул своему помощнику, и отрок начал бесшумно сновать между столами, разнося жбаны с медовухой и квасом, потому что людей вдруг обуяла жажда. Музыка и слаженное, чистое пение доставали до самых глубин души, и откуда-то изнутри на поверхность начало подниматься что-то чистое, незамутненное житейскими горестями и невзгодами, – точно как родник, который пробивается к свету через горные породы.

Эх, что за жизнь! Куда ни кинь, везде клин. Много ли человеку надо – портки да рубаха, и чтобы дождь за шиворот не капал с прохудившейся крыши, ан нет, богатеи последнюю полушку отнимают, все им мало... Кто-то горестно зашмыгал носом, некоторые даже прослезились – по пьяному делу это случается, а были и такие, что желваками заиграли да мысль затаили: «Ужо погодите! Ножи у нас востры, ночь-сестрица темна, а красный петух – бойкая птица, враз по хоромам да палатам каменным поскачет...»

Калики продолжали петь:

Придет мать весна-красна,
Лузья-болота разольются,
Древа листьями оденутся,
И запоют птицы райские
Архангельскими голосами...

В какой-то момент людям начало казаться, что корчма

стала гораздо просторней, осветилась неземным светом, превратилась в лодью с алыми парусами, и под чарующие звуки волшебных гуслей поплыла сначала по Волхову, а затем поднялась высоко в небо и легко заскользила среди белых тучек, оставляя за собой радужный след.

Глава 5

БЕДА

До рудника, где добывали мусковит, добрались без особых приключений. Только однажды карбас налетел на камень и хорошо, что скорость была небольшой, а подводный «зуб» оказался плоским. Поэтому карбас лишь чиркнул по нему днищем, при этом изрядно напугав своих пассажиров. Оказаться в ледяной воде, да при быстром течении, врагу не пожелаешь. Попробуй потом выбраться из этих диких мест и дойти до обжитых.

Рудник был замечен издалека – по дымам. Их было много – около десятка. Ломщики мусковита работали на горушке, поэтому карбас углядели еще на подходе. В удобную для причаливания бухточку сбежалась почти вся артель во главе со старостой, опытным рудознатцем, которого с почтением величали Олисей Иванович. Был он невысокого роста, худой, жилистый, с ясными голубыми глазами, в которых отражалось небо, несмотря на его приземленную работу.

– Заждались мы тебя, Семен Остафьевич, – сказал он с некоторым осуждением и без особого пиетета, будто перед ним был товарищ, а не боярин, к тому же хозяин. – Харч давно на исходе. Поизносились мы изрядно, да и инструмент у нас, по правде говоря, дрянной.

– Моя вина, Олисей Иванович. Заглажу. Привез для арте-

ли все, как ты заказывал, даже с лихвой. Новый инструмент для вас отковали лучшие кузнецы Заволочья. По случаю долгожданной встречи объявляю всеобщий отдых! Емелька, тащи на берег бочку с пивом! – приказал Яковлев одному из гребцов, дюжему малому, кося сажень в плечах.

Вскоре пир пошел горой. Погода и обстановка благоприятствовали – было тепло, солнечно, полянка, на которой расположились ломщики и приезжие, напоминала зеленый рытый бархат, а река на перекатах поднимала в воздух водяную пыль, которая время от времени загоралась праздничной радугой. Быстро насытившись (пиво, которым пробавлялись старшие, отрокам было не положено), Истома пошел прогуляться по руднику, чтобы размять ноги после долгого сидения в карбасе.

О ломке слюды Истома знал уже многое – отец порассказал, пока плыли по Керети. В артели насчитывалось тридцать человек, они-то и выбрали себе старосту, рудознатца Олисея, который «нюхом чуял», где таятся пласты мусковита. Ломщики, не зависящие от хозяина (таких артелей было немного) обычно сами закупали из общей складчины утварь разную, съестные припасы и все остальное, необходимое для работы. Добытую слюду за один поход они продавали сообща, и делили между собой деньги по мере участия в деле каждого. Обычно двое из них занимались кузнечными делами, потому как инструмент быстро изнашивался и выходил из строя, двое кашеварили, а один или два человека, опыт-

ные рудознаты, приискивали и обнаруживали новые слюдяные места.

Примерно так же было и в артели Олисея Ивановича, за одним существенным уточнением: работали ломщики на землях семьи Яковлевых, а значит, сами не имели права торговать тем, что добыли. Поэтому их зависимость от боярина была значительной; к тому же он снабжал артель всем необходимым. Но Семен Яковлев не жадничал, расплачивался с ломщиками честь по чести, благо мусковит приносил ему прибыль, значительно превышающую затраты. Ведь одно дело, когда мусковит продают малограмотные ломщики, которых не грех и обмишулить, а другое – боярин; с ним шутки плохи, тем более если он хорошо разбирается в качестве слюды и ценах на нее.

Слюдяные места по большей части имели баргу. Так назывались обрывки мусковита, долго лежащего на дневной поверхности. Слюда хоть и немного, но все-таки впитывала воду и становилась мягкой. Находка барги всегда была знаком, что под ней находится хорошая жила. Ломщики обычно разделяли добытую слюду на три разбора: мелкую, которая называлась у них «шитухую» (ее сшивали вместе для маленьких оконеч нитками или китовым усом, и она стоила дешево), среднюю – размером побольше, для боярских окон, и широколистую, «княжескую», за которую платили большие деньги.

Для лучшего сбережения добытый мусковит развозили,

не расщепляя, в «досках» – пластах, как они лежали в земле. Рудник семьи Яковлевых на Керети отличался тем, что мусковит в нем был широколистный, в длину и ширину больше аршина, и чистый, как горный хрусталь. И стоил он соответственно – очень дорого. Доски напоминали стопку бумажных листов, которые потом снимали поодиночке, благо они были гибкими и не ломались.

Мусковит пользовался большим спросом как у людей состоятельных, так и у тех, кто мог позволить себе столь дорогую покупку, пусть и на последнюю денгу. А все потому, что слюдяные окна зимой не обмерзали, и их можно было чистить мыльной водой. Обычно недорогие малые листы сшивались вместе для составления больших. Кроме того, малыми листами мусковита зашивали дыры в больших листах. Слюда на открытом воздухе становилась мутной, но так как каждый лист мусковита состоял из большого числа тонких листиков, то верхний слой отщипывали, и окна снова становились прозрачными. Естественно, до определенного предела. Большие листы в основном имели волнистую поверхность, но изнутри все было хорошо видно, а вот снаружи внутренность комнаты плохо просматривалась. Если только в окнах не стоял «хрустальный» мусковит.

Добыча мусковита была делом многотрудным и часто неблагодарным. «Головную» – широколистную – слюду обычно вынимали из земли зимой. А пока артель Олисея Ивановича искала места, где она залегает, и добывала слюду «под-

головную» – мелкую и среднюю. Чтобы добыть мусковит, вручную или с помощью пала на варакке – скалистом холме – снимали верхний моховой слой. Затем разжигали костры, чтобы камни накалились, после чего поливали кострище водой, по скале шли трещины, в них загоняли железные клинья и откалывали большие куски. С помощью такого нехитрого, но трудоемкого метода, ломщики постепенно углублялись, добираясь до пласта мусковита.

Конечно, при этом слюда под воздействием нагревания портилась – теряла цвет, прозрачность, становилась мягкой и ломкой. Но только в верхнем слое. Ниже лежали «доски» вполне приличного качества.

Семен Яковлев гостевал у ломщиков мусковита недолго – до утра следующего дня. Ему еще нужно было навестить смолокурню, расположенную ниже по течению Керети. Цену за семипудовую бочку смолы заморские гости давали вполне приличную – около четырех рублей, а такая же бочка вара шла по три рубля. Смолокурня, конечно, приносила меньший доход, нежели добыча мусковита и соли, но без полущки не бывает денги.

Утром выгрузили из карбаса продукты, одежду новую для ломщиков и «слюдяную снасть» – лома и молоты большие и малые, долота, пешни, «поток» железные для отвода воды, клевцы, крюки, черпаки водолейные. Затем загрузились средним мусковитом (мелкий оставили до зимы, чтобы увезти его по ледоставу, ведь санный путь по замерзшей реке са-

мый наилучший) и продолжили свой путь...

Возвратившись в Колмогоры, Истома отдохнул всего один день и сразу же засобиравшись в путь. Ему не терпелось навещать Матвея Гречина, который стал ему не только наставником, но и другом, несмотря на большую разницу в годах. На этот раз он поспел на карбас семьи Яковлевых, который отправлялся на рыбные ловы в Студеное море⁴⁵.

Уже на подходе к Николо-Корельскому монастырю Истома с беспокойством отметил странное оживление: по дорогам скакали многочисленные хорошо вооруженные конники, притом не абы какие, а, судя по богатой одежде, боярские слуги; по направлению к обители проехали две колымаги с шатрами сверху и кожаными пологам, закрывавшими оконца; вслед им тянулись местные жители, на удивление молчаливые и, как показалось Истоме, сильно встревоженные. Каждая колымага была запряжена шестью лошадьми цугом и имела форейторов⁴⁶. Вот только форейторы почему-то были не в обычных для боярских выездов дорогих и ярких платьях (а колымаги, судя по лошадям, – это были очень ценные ливонские клепперы – явно принадлежали богатым боярам), а в черных, почти монашеских одеждах.

Матвей Гречин встретил его неласково. Он был сильно озабочен и мрачен, отчего стал похож на черного ворона.

⁴⁵ Студеное море – Белое море. До XVII в. море имело несколько названий – Студеное, Соловецкое, Северное, Спокойное, Белый залив.

⁴⁶ Форейтор – кучер, сидящий на передней лошади при упряжке цугом.

Иконописец из-за своей родословной и так был черноволосым и смуглым, но теперь какая-то забота проложила под его глазами глубокие тени, нос и вовсе стал крючком, а на висках ни с того ни с сего (как думалось ИстOME) появилась седина, чего прежде не замечалось.

– В плохую годину ты появился, боярин, – сдержанно сказал Гречин.

– Што стряслось?! Неужто умер преподобный Евфимий? Настоятель монастыря, Евфимий Корельский, был уже в годах и поддерживал силы (грешно сказать!) с помощью настоев и отваров известного в Заволочье знахаря, которого подозревали в безбожии и приверженности древней вере.

– Нет, гораздо хуже, – ответил иконописец.

Истома уставился на иконописца в недоумении; что же тогда случилось в монастыре настолько важное и явно трагическое, судя по поведению монахов и скоплению люда, если сюда прибыли многие бояре, притом одетые в траур? И потом, что может быть для монахов худшее, нежели кончина всеми уважаемого старца Евфимия Корельского?

– Третьего дня братия нашла на берегу двух утопленников, – сдержанно объяснил Матвей Гречин. – До этого сильно штормило...

Ну, шторм в Студеном море – это не в диковинку. Как и утопленники подле Николо-Корельского монастыря. Рыбачьи карбасы, даже самые большие, промысловые, с двумя парусами, перед разбушевавшейся стихией, что древес-

ные щепки. Монахам нередко случалось находить в полосе прибоя тела несчастных рыбаков, не успевших вовремя уйти с ловища перед приближающимся штормом. Тем не менее сердце Истома почему-то больно сжалось. Кто эти двое, что за люди и почему так много народу собралось в монастыре – словно на какое-нибудь церковное торжество?

– А утопленники эти, – продолжил Гречин, отвечая на немой вопрос Истома, – сыновья боярыни Марфы Борецкой – Антон и Феликс.

– Это худо... – Юный боярин даже побледнел от какого-то нехорошего чувства, которое вдруг прорвалось из неизведанных глубин души и заполонило все его чувства.

– Еще как худо, – согласился иконописец. – Вся беда в том, что Борецкие не просто утонули, а кто-то лишил их жизни – на голове Антона нашли след от удара клевцом. Значит, на карбас, который они наняли, чтобы осмотреть свои земли, кто-то напал. Поэтому шторм в их гибели не виновен.

Свои земли! Истома стиснул зубы, дабы не сказать лишнего. Это были вотчины его семьи – деревни, рыбные и бобровые ловища, соляные варницы и пожни, которые боярин Филипп, первый муж Марфы Борецкой, хитростью отнял у Яковлевых, заплатив за них самую малость. И тут же ИстOME пришел на ум недавно подслушанный разговор между отцом и дядей Нефедом.

«Ужо не прощу я Марфе, этой змее ехидной, за то, што она отняла у нас земли! – Нефед был на добром подпитии, а

в таком состоянии он мог нести все, что угодно, любую чушь, не сдерживая языка. – Мы могли бы иметь с них большой доход, но теперь он уплывает в мощну Борецких!»

«Не мели языком, почем зря! – строго отвечал отец. – Как реку нельзя повернуть вспять, так и мы не в состоянии бороться с Марфой и требовать возврата земель. У нее сила. И войско. Вспомни, как совсем недавно новгородская вольница, не щадя никого, жгла и грабила Заволочье. Как бы нам в борьбе с Марфой Борецкой головы не сложить. Некому за нас заступиться, разве што Москва могла бы помочь. Великий князь Московский и Владимирский Иван Васильевич уже засылал в Заволочье гонцов, но наши бояре кто в лес, а кто по дрова, никак не могут решиться принять его сторону. Нужно время...»

«А невмоготу мне ждать! – пенился от злобы Нефед. – Отмстить надо! За нашу поруганную боярскую честь!»

«Не болтай глупости! – рассердился отец. – При чем тут наша честь? Сами, по своей доброй воле и по недалекому уму, влезли в силки, расставленные Марфой, теперь неча пенять на зеркало, коли рожа крива...»

Почему этот разговор всплыл в памяти Истомы, он не понял. Но от этого ему легче не стало. А что если дядя Нефед и впрямь исполнил свой страшный замысел? От этой страшной мысли у юного боярина мороз пошел по коже. Но тут же и успокоился; Нефед Яковлев был, конечно, горяч, но долго зла не держал. Он не был способен на низкое коварство, к

тому же давно задуманное и исполненное столь жестоко.

– Может, опять мурманы шалили? – высказал Истома предположение – первое, что пришло ему в голову.

– Не исключено. Наши рыбаки рассказывали, будто видели две мурманские шнеки неподалеку от побережья, но они быстро ушли в сторону моря. Но, с другой стороны, пошто мурманы не ограбили хотя бы одну-две деревеньки на берегу, как это уже случалось не раз? Только никчемный карбас пустили на дно – и были таковы. Как-то это все странно... Может, кто-то из местных бояр нанял мурманов, дабы насолить Марфе Борецкой? Многие на нее зуб имеют. Хотя бы те же Своеземцевы. И ежели это так, не приведи господь, то быть большой беде. Боярыня Марфа разорит Заволочье, а уж тем, кого она заподозрит в убийстве ее детей, я и вовсе не завидую.

Истома промолчал. Сказать ему было нечего...

Феликса и Антона похоронили в монастыре, на самом видном месте, возле храма Святого Николы. Он хоть и был восстановлен силами монашеской братии, но выглядел довольно убого. Однако место было святое, молитвенно обжитое, и боярыня настояла, чтобы упокоение ее дети нашли именно здесь. А дабы очень принципиальный настоятель Николо-Корельской обители преподобный Евфимий не воспротивился ее намерению (внутри ограды можно было хоронить только монахов и князей), Марфа Борецкая отписала монастырю купленные боярином Филиппом у семей-

ства Яковлевых земли – три села, пожни и рыбные ловища на острове Лавле, по Малокурью, Кудьме и Неноксе. А еще она обещала построить новый храм, дабы тем самым ублажить Господа и замолотить свои грехи, как прошлые, так и будущие.

Гробы делали лучшие краснодеревщики Заволочья. Парные носилки покрыли дорогим бархатом, их несли десять ближних бояр Марфы Борецкой – все молодые, высокие, статные, с разбойными физиономиями. Глядя на них, Истома невольно ощутил страх. Ох, не зря их боярыня взяла с собой в Заволочье, не зря... А если учесть, что за носилками шла еще сотня гридей при полном вооружении, будто хоронили самого князя, то нехорошие мысли сами собой заползали в голову, аки гады земные.

Впереди гробов шли плакальщицы, – местные женщины – покрыв головы и лица белыми накидками, чтобы их никто не узнал. Они так громко рыдали и причитали, что казалось, будто хоронят своих самых близких родственников, а не совершенно чужих им людей, да еще и бояр новгородских, к которым в Заволочье относились весьма прохладно, если не сказать больше. Но, похоже, Марфа не поскупилась, щедро одарила плакальщиц.

Феликс и Антон лежали в гробах как живые. Для этой видимости постарались монахи, искусные в наведении помертвой машкары. Что касается боярыни, то на нее страшно было смотреть и, тем более, встречаться с нею взглядом. От природы она была чернавкой, а на похоронах и вовсе вы-

глядела как черная грозовая туча. Ее глаза метали молнии, она все время шарила глазами по толпе, словно кого-то выискивая. При этом лицо Марфы словно закаменело и только редкие слезинки время от времени орошали его и скатывались на ее мрачные похоронные одежды.

Перед тем как предать тела земле, она неожиданно властным жестом отстранила от гробов всех, в том числе и священников, и обратилась к присутствующим на похоронах с таким видом, словно стояла на возвышении новгородского веча:

– Люди добрые! Вы видите горе безутешной матери! Погибли мои соколы, безвременно погибли, убиенные преступной рукой! Но пусть не думают злоумышленники, что смерть Феликса и Онтона останется не отмщенной! Я найду их и покараю! Клянусь в этом землей и водой!

От ее слов всем вдруг стало жутко. Изменился в лице даже благообразный настоятель монастыря. Не было в речи боярыни даже намека на христианское смирение, присущее людям, провожавшим в последний путь своих родных или близких. Наоборот – в них явственно присутствовала ярость волчицы, потерявшей детенышей, блистали молнии, и гремел гром. Все это предвещало какие-то страшные события...

Смущенный Истома решил погостить у Матвея Гречина недельку. Благо обстоятельства тому способствовали. Несмотря на решение отца приставить его к делу, Истома не мог так просто бросить свое любимое занятие – комические

представления. Он уже придумал и сделал новые куклы, но что касается самого вертепа, то он немного потерял приятный вид, поэтому нужно было его обновить. Гречин взялся за дело с большой неохотой; что-то сильно его тревожило, но он все никак не решался поведать об этом ИстOME.

Наконец в середине недели, вечером, когда уже отужинали, иконописец сказал:

– Тебе нужно срочно отправляться в Колмогоры.

– Пошто так?

– Беду чую. Сон мне привиделся намедни ужасный. Даже говорить о нем неохота. Но я верю в вещие сны, а он был именно таким.

ИстOMA беспечно отмахнулся.

– Мне иногда такое снится, – ответил он, – хоть стой хоть падай. То зверь какой страшный за мной погонится, и я взмываю под небеса, дабы убежать от него, то на рыбалке вдруг карбас опрокинется и меня в омут ташшит какая-то неизвестная сила... да мало ли чего может присниться! Глупости все это.

– Молодо – зелено, – осуждающе молвил Матвей Гречин. – Может, мой сон и пустой, да только вспомни, о чем ба-яла боярыня на похоронах. До меня дошли слухи, что во время поминальной тризны она грозилась все твое семейство извести под корень. Будто именно твой отец и дядя Нефед повинны в смерти ее сыновей. Я там не был, возможно, люди и переврали ее слова, да меня тревожит один странный

момент...

– Какой именно?

– А то, што она одарила монастырь землями, которые прежде принадлежали твоей семье и отошли ей по договорной грамоте. Там ведь дело было не совсем чистое, в Заволочье все об этом знают. Вот Марфа и освободилась от прежнего греха... штоб замолить еще более страшный грех, будущий.

– Ты думаешь, она осмелится?..

Слова застряли в горле Истома; он будто увидел перед собой страшный оскал неведомого зверя.

– Спаси Господи! – Гречин перекрестился. – Не думаю, что Марфа отважится на дурное, но зная ее жесткий, непримиримый характер, как никто другой, почти уверен – мстить за убиенных детей она будет, и, возможно, твоей семье. Как – не знаю. Но, боюсь, что твои родные – и ты тоже! – наиболее подходящие объекты для удовлетворения ее жажды мести. В данный момент Марфу не интересует правда. Она должна излить свою ярость хоть на кого-нибудь. Кстати, бояре Своеземцевы благоразумно убрались в свои дальние вотчины, на Вагу. Хорошо бы и твоим родным последовать их примеру.

– Но зачем?! В гибели Феликса и Антона нет вины нашей семьи! Я в этом уверен!

– Ручайся только за себя, – рассудительно молвил Матвей Гречин. – Запомни это. Что ж, скажу тебе то, о чем мне поведали богомольцы. Они говорили, будто твой дядя Нефед по

пьяной лавочке похвалялся сделать Борецким какое-то зло. Вдруг эти слухи дошли до боярыни, тогда жди беды. Поэтому собирайся, мил дружок, в обратный путь. Я настаиваю! Ты просто обязан предупредить своих родных, пусть поостерегутся. А лучше, ежели вы вообще на некоторое время покинете свою усадьбу и отправитесь в места дальние, малообжитые. Завтра, с утра пораньше, в Колмогоры уходит карбас, принадлежащий обители. Я уже договорился, тебе там обустроят местечко...

Истома всегда испытывал непонятное волнение, возвращаясь домой речным путем, когда карбас входил в Курополку, западный рукав Двины. Возможно, оно происходило от великолепного вида на Куростров, который находился напротив Колмогор. По старинным преданиям в густом ельнике острова когда-то находилось главное божество чуди заволочской – серебряный идол с золотой чашей в руках. И впрямь в Курострове было что-то мистическое, особенно на закате, когда солнце окрашивало остров в багровые тона, еловый лес мрачнел, и в сгустившихся тенях начинали чудиться темные фигуры прежних насельников священного острова.

В этом месте Двина, раздавшись вширь от одного берега до другого верст на двенадцать, разделяется на несколько рукавов и проливов, обтекающих десять островов, словно столпившихся в одну кучу. Остров Жаровинец представлял собой песчаную отмель, поросшую мелким ивняком, и слу-

жил пристанищем перелетных птиц, Налье-остров был болотистой низиной, испещренной мелкими ручейками и озерками, с прекрасными заливными лугами и пожнями, и только Куростров и Ухтоостров были холмистыми, покрытыми пашнями, пестреющими многочисленными деревеньками и погостами, которые рассыпались по ложбинам и на предгорьях.

Двинские острова всегда были гуще населены, чем соседняя «матера земля». Несмотря на то, что во время ледоходов «располившаяся вода» нередко уносила и разбивала овины и даже избы, что очертания островов постепенно менялись и на месте бывших «угоров» образовывались обрывы и отмели, поморы охотно селились на островах, где для них всегда находились большие уголья, прекрасные выгоны для скота, удобная для пашни земля, богатые рыбные ловища и открытый путь в море. Кроме того, люди подметили, что хлеб, посеянный на островах, редко побивает мороз, и посевы не страдают от губительных утренних заморозков.

Истоме не раз приходилось бывать на Курострове. Его жители помимо земледелия и скотоводства занимались «пищальным» и «загубским делом» – то есть охотой и ловлей дичи в силки и капканы. Кроме того, «ельничали» – рубили лес и пробавлялись «засечным делом» – смолокурением. Но Истома с отцом посещали остров не для работы, а для охотничьей забавы.

Семен Яковлев, как и многие бояре Заволочья, обожал соколиную охоту. На Курострове с давних времен жили «кре-

чатъи помытчики», занимавшиеся старинным промыслом – поимкой кречетов и соколов. Кречатъи помытчики разделялись на ватаги, которые записывались по имени их атаманов – ватащиков. Ватаги владели совместно имуществом, необходимым для промысла, строили карбасы, запасались снастями и приобретали особые кибитки для отвоза птиц в Москву, где их покупали для двора Великого князя. Нередко ватаги принимали к себе и сторонних охотников – «наймитов» (за деньги) или «третников» (они получали долю из улова).

Добытые птицы весьма высоко ценились при княжеском дворе и часто посылались в подарок иноземным государям, особенно на Восток. Пойманных птиц очень берегли. Доставляли их по зимнему первопутку с большими предосторожностями. Чтобы птицы не поломали перьев, не побились и не заболели в дороге, их везли в особых возках или прикрепленных к саням ящиках, обитых внутри рогожами и войлоком, кормили их в дороге только самым лучшим и свежим мясом.

Истоме хоть и нравилась соколиная охота, но он больше любил бродить по лесам вместе с дядей Нефедом, который считал увлечение брата забавой, недостойной серьезного мужа. Он предпочитал нечто посущественней, нежели пернатые, – рябчики, белые куропатки и глухари – которых добывали соколы и кречеты. Леса на Курострове изобиловали солидной дичью и пушными зверями. Здесь водились большая

северная рысь, волки, лисы, коварные россомахи, обирающие силки и капканы охотников, за что они терпеть не могли этого хитрого прожорливого зверя, медведи, лоси, выдры, бобры... В общем, охотнику было где разгуляться. Истома так увлекался выслеживанием добычи, что вечером его едва не силком тащили к карбасу, чтобы возвратиться в Колмогоры. Для него охота была праздником, отдохновением от «трудов праведных» – обучения в школе дьякона Есифа.

А сколько рыбы водилось в озерах на острове! Да еще какой! Однажды Истома наблюдал, как крупная скопа, нарезавшая круги над небольшим озером в поисках добычи, вдруг ударила вниз и с хриплым криком забилась на воде. Глубоко запустив когти в огромную щуку, она не смогла ни высвободить их, ни подняться с рыбой в воздух, и та тащила ее на дно. Несколько раз скопе удавалось вынырнуть на поверхность, но каждый раз она становилась все слабее и слабее, пока вовсе не исчезла в темной озерной глубине.

И теперь Истома ощутил волнение, когда монашеский карбас проходил мимо Курострова. Только на этот раз оно было невероятно сильным, несущим непонятную тревогу и даже страх.

Остров в закатном солнце показался ему и вовсе зловещим, словно его облили свежей кровью. Сердце юного боярина сжалось, будто кто-то невидимый сдавил его ледяной дланью. А когда он увидел над Колмогорами дымы от пожаров, то оно и вовсе затрепетало со страшной силой, словно

хотело вырваться из груди.

Похоже, в Колмогорах случилось что-то страшное. Там явно горели дома. Неужто опять напали мурманы?! Гребцы на карбасе опустили весла, монахи начали оживленно переговариваться, но Истома их не слушал. Он внимательно при- смотрел и вдруг понял, что горит их усадьба!

– Правьте к берегу! – вскричал он, оборачиваясь к греб- цам. – Туда! – Истома указал на тихий скрытный заливчик поодаль от пристани.

– Боярин, там, кажись, опасно! – попытался было отгово- рить его кормчий.

– К берегу! – свирепо ощерившись, приказал Истома.

Наверное, его вид испугал монахов или у них появились какие-то иные соображения, но они больше не сопротивля- лись. Карбас прошел мимо пристани и скрылся за невысо- ким холмом, откуда он не просматривался со стороны Кол- могор. Истома, схватив потешный ящик, сумку со сменной одеждой, побежал по тропинке в сторону своей усадьбы.

Но добраться до нее не смог. Его перехватил старый слуга семьи Яковлевых, дед Мирошка. Он был на все руки мастер: занимался скорняжным ремеслом, тачал и чинил обувь, из- готавливал лошадиную упряжь, а в промежутках между эти- ми занятиями занимался косторезным делом – как и боль- шинство колмогорцев.

– Не ходи домой, детка! – Дед схватил за рукав юного бо- ярина. – Не ходи тудой!

– Почему?!

Дед Мирошка смахнул скупую слезу с ресниц и ответил, стараясь не встречаться с Истомой взглядом:

– Нету больше твоих родных... всех убили – мамку, отца. Царствие им Небесное... – Он перекрестился. – И усадьбу пожгли...

Истому словно кто-то ударил обухом по голове. Какое-то время он молчал, тупо уставившись на старика остановившимся взглядом, а потом спросил первое, что пришло ему на ум:

– Убили... – тупо повторил Истома, все еще не осознавая смысла страшного слова. – А Грихша, Найден и Млада... живы?

– Почитай всех вырезали...

– Кто?! – прохрипел каким-то чужим голосом Истома.

– Бояре новгородские налетели с отрядом гридей.

– В чем наша вина?!

Дед Мирошка помялся немного, но все-таки сказал:

– Грят, будто твои сродственники повинны в гибели детей Марфы Борецкой. Она сама носится по Колмогорам, как ведьма на помеле... прости Господи! Ишшут твоего дядю Нефеда. Он в отъезде, охотится на Курострове. И тебя тоже хотят найти. В моей избе все перевернули вверх дном. Обыскивают все боярские усадьбы. А ишшо грозятся изрубить на куски семейство боярина Своеземцева. Дак его не найдешь, уехавши он, далеко. И его усадьбу тоже пожгли. И трех дру-

гих бояр. Ужо не знаю, оставили их в живых али нет...

Истома долго молчал, переваривая услышанное. На удивление, он не мог выдавить из себя ни слезинки. Страшная новость иссушила его полностью, до самого доньшка. Он пытался сообразить, что же ему делать дальше, но в голове царило какое-то безумие; мысли роились, словно пчелы возле колоды во время роения, сталкиваясь друг с другом со страшным грохотом, от которого голова раскалывалась. И никак нельзя было унять его, даже закрыв уши, в чем Истома убедился, обхватив голову ладонями.

Наконец он отвел взгляд от дымов и глухо спросил:

– Как ты здесь оказался, деда?

– Тебя поджидал. Нутром чуял – обязательно явишься. К пристани нонче никого и калачом не заманишь, новости быстро разлетаются, особенно дурные, вот я и сообразил, где тебя следует ждать. Да и моя изба, вон она, совсем рядом, а в бухточке мы с тобой лещей и гольянов ловили. Надеюсь, што ты вспомнишь. Скрытно войти в Колмогоры можно только по энтой тропе.

– Спасибо тебе... Но што же мне делать?!

– Бежать из Колмогор! Куды подальше. Здеси не спрячешься – или гриди новгородские найдут али местные выдадут. Боярыня совсем рассвирепела, думаю, разошлет своих людишек по всему Заволочью, штоб разыскать тебя и твоего дядю Нефеда и предать смерти лютой. Лодку в бухточке узрел?

– Да.

– Моя энто. Сейчас соберу харчей на дорогу и принесу весла. Уходить тебе надуть тока по реке. Жди...

С этими словами дед Мирошка начал торопливо взбираться на горушку, а Истома затаился в кустах. Он все еще пребывал в жутком состоянии, будто и не на земле вовсе, а где-то в иных мирах...

Слезы прорвались только тогда, когда Колмогоры скрылись из виду. Они хлынули бурным потоком и удержать их не было никакой возможности. Да Истома и не пытался. Его горе было безмерным. Он исступленно шептал: «А братьев... и Младу... пошто убили?! Чем они провинились, дети малые?!» Ему отвечали только волны тихим плеском, ветер и шум соснового бора, близко подступившего к берегу Курополки.

Успокоился он только спустя час, не меньше. Но взгляни кто-нибудь в этот момент на Истому со стороны, он точно испугался бы. Его лицо было белым, как мел, а в глазах горела волчья свирепость. Юный боярин греб, не ощущая усталости, а его губы неустанно шептали, как молитву: «Аз воздам... Аз воздам... Аз воздам!»

Однако в этом месте апостольского послания, которое долго вдалбливал в голову своим ученикам дьякон Есиф, он почему-то упускал первую фразу.

Глава 5

ПИР У МАРФЫ БОРЕЦКОЙ

Путила, повар боярыни Марфы Борецкой, вертелся как выюн на сковородке. А то как же: нонче избрали матушкиного сына Дмитрия Борецкого степенным посадником!⁴⁷ И боярыня решила устроить пир, притом не абы какой, а не хуже княжеского. Лучшие люди Господина Великого Новгорода приглашены отметить столь значимое для Борецких событие. Тут уж никак нельзя ударить в грязь лицом.

– А штоб вас!.. – бушевал Путила, гоня своих помощников. – Жадко! Калья⁴⁸ не должна долго кипеть! Убавь огонь, пусть томится. Ивашко, звары⁴⁹ готовы? Али ты опять спишь на ходу?

– Обижаеть, Путила Офонасич, – отвечал шустрый и чумазый поваренок. – Ишшо затемно расстаралси. Вона, в черепушках стоят – с хреном, чесноком, горчицей...

⁴⁷ Посадник – высшая государственная должность в Новгороде в XII–XV вв. и Пскове в XIV – нач. XVI в. Посадники избирались на вече из представителей знатных боярских семей. В Новгороде по реформе 1354 г. вместо одного посадника было введено шесть, правивших пожизненно («старые» посадники), из среды которых ежегодно избирался «степенный» посадник. Реформой 1416–1417 гг. число посадников было увеличено втрое, а «степенные» посадники стали избираться на полгода.

⁴⁸ Калья – рыбный или мясной суп, сваренный на огуречном рассоле.

⁴⁹ Звар – исконно русский соус.

Повара величали как боярина или знатного купца – по отчеству. Он был знаменит своим поварским талантом. Его пытались сманить даже в Литву, сулили золотые горы, но Пути-ла не стал менять вольности Великого Новгорода на милости чужеземного князя.

Поварня Борецких – стряпушая изба – находилась в отдельном здании, построенном, как и палаты, из камня, в отличие от прочих сооружений подворья, которые были деревянными. В стряпушей избе стояла не только русская печь, – чтобы еда могла подолгу томиться – но и постоянно горел открытый очаг, над которым висели два медных естовых котла вместительностью не менее семи ведер. В них варили мясное и рыбное хлёбово. К поварне были пристроены хлебня, в которой выпекали ковриги, калачи, пироги, пряники, и пивоварня.

Судков (так называлась посуда) в стряпушей избе было великое множество: просто горшки и горшки-братины, сковородки с ручками и без, рассольники и оловянки с крышками, гусятницы, енды, кандюшки, канопки, кашники, кисельницы, корчаги, крынки, миски, латки, блюда оловянные и деревянные, разных размеров и назначений – гусиные, лебязьи, овощники. Кроме того, на полках стояли и питьевые сосуды: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, чарки, болванцы... Всего не перечесть. Обычно из поварни пищу носили на одних блюдах, а на стол подавали в других – более дорогих и красивых. К большим блюдам были прикреплены два

или четыре кольца, чтобы их могли нести несколько человек. Торели – тарелки – использовались редко, больше на семейных обедах.

Напитки к столу доставляли в медных ендовах вместительностью до шести ведер. Но к этому пиру боярыня Марфа приказала найти в посудном чулане мушорму – вместительную серебряную ендову с рукоятками и носиком. Это был подарок великого князя Литовского и короля Польского Казимира IV, о чем свидетельствовал его герб, отчеканенный на пузатом тулове сосуда.

Боярыня решила показать мушорму всему честному народу не без умысла. Она хотела понаблюдать за поведением гостей – как они отнесутся к подарку Казимира. Марфа усиленно искала сторонников, которые могли поддержать ее в борьбе с Москвой. Она давно подговаривала верных ей бояр и купцов выступить за выход Новгорода из зависимости от Москвы, установленную в 1456 году Яжелбицким договором, заключенным после поражения Дмитрия Шемяки в борьбе за престол с Василием II Темным, великим князем Московским и Владимирским. Договор подписал архиепископ Новгородский Евфимий, хитрый аки змей. Марфа подозревала, что именно его люди отравили Дмитрия Шемяку, чем практически открыли ворота Новгорода для Москвы.

По Яжелбицкому договору Великий Новгород лишился возможности вести самостоятельную внешнюю политику и принимать собственные законы, а великий князь Москов-

ский стал для новгородцев высшей судебной инстанцией. Мало того, даже печать новгородского веча и его посадников была заменена печатью Великого князя! Боярыня давно вела тайные переговоры с Казимиром о вступлении Новгорода в состав Великого княжества Литовского, при условии сохранения новгородских вольностей и земель. И вот теперь, когда она наконец смогла добиться избрания сына Дмитрия степенным посадником, у нее появился шанс переломить ситуацию в свою пользу...

– А не продешевили ли мы, братцы? – сказал Некрас Жила, когда ватага калик перехожих, поживаясь от пронизывающего декабрьского ветра, перебралась по мосту на Софийскую сторону и оказалась в Неревском конце возле подворья Марфы Борецкой, которое находилось между улицами Розважьей и Борковой, на набережной Волхова.

Он с удивлением и восхищением воззрелся на богатые каменные палаты боярыни и на слюдяные косящные окна⁵⁰; расписанные прозрачными красками, они блистали под низко повисшим солнцем и были сказочно красивы.

– Дак ты же сам ее людишкам цену назначил, когда они пришли договариваться, ни с кем не посоветовался, – ответил ему Ратша. – Надо было у меня спросить. Ни бояр, ни купцов богаче Борецких в Новгороде не найдешь. В Заволо-

⁵⁰ Косящные окна – в XV в. оконная коробка делалась из толстых, тесанных топором деревянных плах – косяков. Оконные коробки из пиленых досок появились только в конце XIX в.

чье у них земли по Двине, Волге, Кокшенге. Боярыне принадлежат полсотни деревень на Колдо-озере, рыбные ловища на Водле, угодья от Тойнокурьи до Кудмы, а по Кудме вверх – пожни и бобровые ловища. А ишшо есть земли на Малокурье и рыбная ловля до Улонимы, деревни в Водьской, Деревской и Шелонской пятинах...⁵¹ Сказывают, што у Марфы в каменном подвале стоят сундуки, доверху набитые золотом, серебром и драгоценными каменьями. Эх, заглянуть бы в этот подвал хоть одним глазком!

Раскосые глаза Ратши хищно блеснули.

– Берите, што дают, и благодарите Господа за его милости, – назидательно молвил Шуйга. – Мы ить ходим по земле не ради приобретения богатств, а штоб людям радость нести, и дабы не забывали, што они человецы, а не скот безмолвен.

– Правдуруб... ядрена корень... – пробормотал Ратша.

Но, получив от Некраса Жилы тычок под бока, замолчал. Слепцы были бессребрениками, они довольствовались малым, но благодаря их таланту вся ватага не бедствовала. А в голодные годы это стоило дорогого.

⁵¹ Пятины новгородские – число пятин новгородских соответствовало числу концов. К северо-востоку от Новгорода, по обеим сторонам Онежского озера, лежала пятина Обонежская; к северо-западу, между Волховом и Лугой, – Водьская; к юго-востоку, между Мстой и Ловатью, – пятина Деревская; к юго-западу, по обеим сторонам реки Шелони, – Шелонская, на юго-востоке простиралась пятина Бежецкая. В пятинах находились пригороды Новгорода: Псков, Изборск, Великие Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды были зависимы от Новгорода. Из них лишь Псков в XIV в. достиг независимости и стал называться «младшим братом Новгорода».

Розважью улицу только недавно вымостили новыми, тщательно отесанными плахами и устроили водосливы. Она была шире, чем остальные улицы Нова-города, и сплошь обустроена подворьями бояр и богатых купцов. Калики переходящие остановились перед воротами, за которыми высились палаты боярыни Марфы Борецкой, в некотором смущении. Вблизи подворье Борецких поражало еще больше, чем издали. Оно было обширно и выглядело очень богато.

Палаты были о два яруса, с четырехскатной крышей, покрытой лемехом⁵² с полицами⁵³, а третий ярус представлял собой сооруженный над сенями деревянный терем со светлыми косячными окнами на все четыре стороны и высокой шатровой кровлей. К основному жилью – клетки – были пристроены прирубы, присенья и задцы. Хоромы стояли посреди подворья, а широкое крыльцо было выдвинуто на середину переднего двора и занимало место между входом в хоромы и воротами.

На заднем дворе находились дворовые постройки: поварня, хлебня, пивоварня, погреб с погребищем, баня с предбаньем, хлевы, амбары, конюшня и жилье для челяди, которая не была вхожа в палаты. Лицевая сторона палат состояла из трех самостоятельных частей: посередине находились сени, с одной стороны которых были покоевые горницы, а с другой

⁵² Лемех – кровельный материал в виде небольших деревянных пластин.

⁵³ Полица – пологая нижняя часть шатровой или двускатной кровли, предназначенная для отвода дождевой воды.

– горницы приемные, в том числе и большая, пиршественная. Фасад палат был украшен каменной резьбой, да такой красивой, что просто загляденье. Спирка, ценитель прекрасного, даже поцокал языком от восхищения.

– Точно продешевили... – злобно процедил сквозь зубы Волчко.

Только он один смотрел на палаты Марфы Борецкой с ненавистью. Его прошлая жизнь – до того, как он стал членом ватаги, – была темна, как «вода в облацах». Может, он был разбойником и грабил проезжих на дорогах или просто зарезал кого, – про то не знал даже Некрас Жила. А спрашивать о прежней жизни у калик переходящих считалось дурным тоном. Ежели кто хочет исповедаться перед сообществом, то милости просим, ну а коль рот закрыл на замок, то пусть его. На том свете всем придется держать ответ, там попытают с пристрастием, – не отмолчишься и не соврешь.

Немного помедлив, Некрас взял в руки подвешенный на цепочке молоток и постучал в калитку, прорезанную в высоких дубовых воротах.

– Гуф, гуф! – раздался в ответ басовитый собачий лай.

– Медеяны, – со знанием дела прокомментировал Ратша. – Зверюги еще те... Быка с ног сшибают. Попадешься им – вмиг разорвут.

Огромные медеянские псы – весом до семи пудов и ростом с теленка – была потомками привезенных из Италии

молоссов и русских лоших⁵⁴ собак. Их разводили даже князья, ими гордились, их дарили важным персонам и покупали за немислимые деньги. Меделяны были хорошими сторожами, но в большей мере они служили для забавы – не знавших страха псов напускали на медведей. Травля была жестокой забавой, но именно она была основной профессией меделянских собак.

Калитка отворилась, и на калик переходжих с подозрением воззрися привратник, расфуфыренный по случаю пира, – в суконном кафтане-чюге с медными пуговицами, новых портках и красных сапожках.

– Чего надобно? – спросил он строго, вздернув вверх козлиную бороденку.

Голос у привратника был надтреснутый, дребезжащий, совершенно не соответствующий его грозному виду.

Некрас сразу понял, отчего страж боярских ворот так неприветлив – он не увидел слепцов и гусяра, которые топтались позади него и Ратши. Жила быстро сдвинулся в сторону, и взгляд привратник потеплел.

– А-а, понятно... – Привратник улыбнулся. – Меня предупредили... Входите, люди добрые, – милостиво сказал он, и калики, сопровождаемые собачьим лаем, зашли на подворье. – Якушка! – позвал он кого-то.

На его зов прибежал шустрый паренек – мелкий в кости,

⁵⁴ Лошие – большие поджарые лайки, с которыми охотились на крупного зверя. Отличались большей выносливостью в гоне.

кудрявый, как ангел, и развязный, словно бес. Увидев калик перехожих, он тряхнул русыми кудрями и весело сказал:

– Знатно-то как! Таперича среди приглашенных на пир только юродивого не хватает.

– А ты рот-то свой закрой! – грубо оборвал его привратник. – Иначе когда-нибудь в пыточном подвале вырвут твой глупый язык. А насчет юродивого, так на себя позырь... скорморох несчастный.

– Ужо закрыл. Простите, люди добрые, ради Христа! И ты, Селята, прости меня, окаянного! – Якушка начал кланяться, довольно искусно изобразив угрызение совести, хотя его небольшие круглые глазенки искрились смехом.

– Згинь отсель, бесово отродье! – громыхнул Селята неожиданным басом. – Определи калик перехожих в людскую, пушай там обогреются и немного обождут. Как боярыня прикажет, так сразу веди их в горницу. Уразумел?

– Всенепременно, твоя милость. Уразумел. А то как же... – И, оборотившись к ватаге, бесцеремонно бросил: – Топайте за мной, соколики. Тока держитесь подальше от собак. Фу-фу! Укоротись! – прикрикнул он на ближнего меделяна, который пенился от злобы и рвался с цепи. – Вишь, как растявкался...

Пес умолк, с сомнением разглядывая ватагу. Конечно же платье калик перехожих сильно отличалось от богатых одежд гостей боярыни, хотя они надели обновки, и меделян никак не мог взять в толк, с какой стати ему не разрешают

облаивать этих подозрительных людишек. Они и по внешнему виду и по запаху совсем не отличались от кусочников, которые часто терлись у ворот боярского подворья, прося милостыню.

Людская была довольно просторной. Она находилась в подклети. В ней стоял густой человеческий дух, который исходил от полатей, прикрытых изъеденными молью звериными шкурами. Полати были просторными, занимали третью часть людской и примыкали одной стороной к печи, горнило которой было закрыто деревянной заслонкой, – чтобы не терять тепло. У слюдяного оконца прислонился стол, подле него стояли лавки, и изрядно продрогшие калики перехожие с облегчением уселись, потому как неожиданно почувствовали усталость, особенно слепцы. Что ни говори, а городские улицы – не битый шлях, по которому можно идти с утра до вечера без особой усталости. Особенно утомляли бесконечная толкотня и городской шум и гам.

– Кваску не желаете? – вежливо поинтересовался Якушка.

– Как твоей милости угодно, – осторожно ответил Некрас Жила, опасаясь какого-нибудь подвоха со стороны кудрявого херувима, и продолжил не без хитрецы: – Однако и винца доброго не мешало бы принять для сугреву...

Он уже сообразил, что Якушка у боярыни Марфы Борецкой исполняет роль шута – как это принято у немцев⁵⁵. По-

⁵⁵ Немцы – так в старину называли иностранцев, выходцев из Западной Европы, которые не приняли православную веру и не знали русского языка – были

этому от него можно было ждать чего угодно.

Но атаман ошибался. Якушка не стал ерничать и, тем более, не пытался как-то уязвить калик перехожих. Ведь их пригласили на пир по указанию самой хозяйки, а сие значило многое. Обычно на гостьбе⁵⁶ у Борецких присутствовали веселые скоморохи, но ни в коем случае не калики перехожие, навевавшие своими песнопениями тоску, печаль и серьезные мысли. Значит, боярыня удумала что-то важное, поэтому обижать калик нельзя ни в коем случае. Иначе точно быть Якушке поротым на конюшне, несмотря на его шутовские «привилегии» и доверительные отношения с боярыней.

Якушка оказался добрым малым. Вино принесла дворовая девка, и калики перехожие быстро разлили его по кружкам. Некрас с удовлетворением похлопал себя по животу, звучно отрыгнул, и не без похвальбы подумал: «Ратша неправ... Ничего я не продешевил. Наоборот – выиграл. Быть на пиру у Марфы Борецкой – ого-го, мало кому дано. Честь-то какая... Теперь наша ватага будет нарасхват. А значит, и денга в мошне зазвенит».

«немы».

⁵⁶ Гостьба – пир на древнерусском языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.